

В. В. Тишин

**К МЕТОДИКЕ ПРОЧТЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО АРЕАЛА**

**(на примере легенд серебряных дирхамов
с руноподобными знаками)**

1

В последнее время, начиная с 2015 г., все научное сообщество, как-то связанное интересами с вопросами истории и культуры Восточной Европы периода существования Хазарского каганата (VII–X вв.), буквально взбудоражено новостью о прочтении ряда надписей с территории степной Восточной Европы, сделанных руноподобным письмом, или памятников так называемой восточноевропейской, или евразийской (согласно И. Л. Кызласову) [Кызласов, 1990], рунической письменности российским лингвистом, доктором филологических наук, проф. О. А. Мудраком.

Теперь этот исследователь выступил с гипотезой о прочтении и переводе всего комплекса надписей, предложив положить в основу фонетику и грамматику современного осетинского языка. Не обладая соответствующей лингвистической подготовкой, не могу судить об этой стороне построений О. А. Мудрака, однако имею возможность указать на другие дискуссионные моменты, связанные с его подходом.

Прежде всего, как мне кажется, изначально настороженное отношение должен вызвать такой методологический ход, как объединение всех руноподобных надписей Восточной Европы в нечто единое и цельное. О. А. Мудрак без учета историко-культурного контекста, пренебрегая географией и условиями обнаружения от-

дельных надписей, привязкой некоторых из них к археологическим объектам, а следовательно – установленной хронологией и атрибуцией, объединяет их все в единый корпус – прибегает к попытке прочтения согласно своему методу и совершенно не касается их интерпретации.

В свое время И. Л. Кызласов, исходя из палеографического принципа, счел возможным выделить на всей территории нахождения таких надписей несколько алфавитных систем [Кызласов, 1990; Кызласов, 1994]. Лапидарность большей части надписей и недостаточно хорошее качество публикации многих из них позволяют принять данную типологизацию с определенной долей условности, ввиду формальности самого лежащего в ее основе критерия (см. также: [Tryjarski, 1997]). Факт встречаемости определенных форм знаков в различных надписях сам по себе ничего не говорит, ввиду того что в ряде случаев это надписи, относящиеся к различным территориальным районам и хронологическим периодам, если только они не встречены в рамках одного археологического объекта.

В любом случае при наличии определенного фонда графем даже в надписях, которые можно объединить на основе какого-либо более или менее обоснованного критерия, нет никаких убедительных оснований, чтобы сделать выбор между 1) отнесением ряда формально схожих (ввиду самого факта простоты форм начертания) знаков к различным графемам и 2) принятием возможности сосуществования ряда аллографов, различающихся между собой ввиду каких-либо субъективных причин. Каких именно, мы, скорее всего, никогда не узнаем, поскольку речь идет о моментах, связанных с личностью писца и его индивидуальными особенностями, характерной для него письменной традицией, обстоятельствами нанесения конкретной надписи, а также инструментом и материалом письма (ср.: [Tryjarski, 1997, p. 373]). Все это создает многочисленные трудности для интерпретации отдельных знаков и восприятия всего графического фонда зафиксированных надписей, одновременно давая благодатную почву для многочисленных спекуляций, подразумевающих возможность подстановки фонемного значения для тех или иных графем, исходя лишь из формального сопоставления друг другом их очертаний. Это не самый лучший способ, поскольку он заочно предполагает натяжки и допущения, но, похоже, неизбежный, поскольку мы действительно не знаем об этих надпи-

сях ничего такого, что позволило бы нам уверенно судить об их языке.

Даже если речь идет о группе надписей, обнаруженных в рамках одного археологического объекта, более или менее уверенно датированного и атрибутированного, и археологические признаки позволяют связать между собой несколько таких локальных групп надписей, речь, как верно отметил И. Л. Кызласов, предварительно может идти лишь о политическом объединении, в рамках которого проживали авторы этих надписей, соответственно являвшиеся в конкретный исторический период носителями определенной системы письменности, но все равно, учитывая полиэтничный характер таких объединений, мы ничего не можем сказать об этнолингвистической принадлежности авторов надписей, имея возможность лишь предположить единство распространенной в конкретном политическом образовании системы письма, вероятно, изначально связанной с господствующей «этнической группой» [Кызласов, 1994, с. 211, 213–214]. Даже если принять выделение И. Л. Кызласовым так называемых донского и кубанского алфавитов и их соотнесение соответственно с хазарским и болгарским политическими объединениями [Кызласов, 1994, с. 216–217; Кызласов, 2000, с. 5], мы столкнемся с иной проблемой – отсутствием цельных и достоверных данных о языке господствующих «этнических групп».

Главный экстралингвистический довод О. А. Мудрака, как можно полагать, зиждется на мнении, что *аланы*, упоминаемые исследователями среди населения Хазарского каганата – это название конкретного народа, явно ираноязычного, а сегодняшние осетины – их прямые потомки. Появление же ираноязычных элементов на берегах Тисы и Дуная на своих устных выступлениях О. А. Мудрак объяснял фиксацией здесь в начале 1-го тыс. н.э. сарматской племенной группировки *языгов*. С ними же или их потомками связывается появление секейского письма, ряд знаков которого был использован О. А. Мудраком для подбора фонемного значения знаков восточно-европейской степной руники в целом.

Однако вопрос о происхождении секейского письма и его соотношении с другими системами руноподобной письменности объективно остается открытым [Sándor, 1992; Sándor, 2014], а все построения вокруг мнимого аланства авторов памятников восточно-

европейской руноподобной письменности вызывают ряд проблем. Прежде всего, нет никакой уверенности в том, что понятие *аланы*, бытовавшее в хазарское время и зафиксированное в источниках, – это название именно ираноязычного населения, а не обобщающее название народов Кавказа, ведь расширение семантики может быть связано с тем, что ираноязычная группа, возможно, так и именовавшая себя, стала в какое-то время ядром политического образования, куда входили не только ираноязычные народы, а существование такого объединения, в свою очередь, сопровождалось сложными социальными, культурными и языковыми процессами (см.: [Németh, 1991, 29–44. o.]). Поэтому научное понятие *аланы* должно пониматься как условное, не подразумевая однозначной этнолингвистической идентификации. Здесь следует отметить и тот факт, что даже традиционное отождествление с условными *аланами* носителей салтовского археологического комплекса также сегодня уже не является убедительным (см., например, обзор в кн.: [Аксёнов, 2014, с. 5–7]).

В общем, несмотря на скептицизм ряда исследователей (автор настоящей работы принадлежит к этой же категории), приходится признать, что все очевидные, на первый взгляд, неувязки историко-культурного характера, не могут служить основой для реальной критики изысканий О. А. Мудрака, которую правильнее было бы ожидать со стороны лингвистов-иранистов, и которой, однако, насколько нам известно, пока не поступило.

2

Следует отметить, что в начале 2016 г. вышла книга, принадлежащая перу двух узбекистанских исследователей, зарекомендовавших себя как крупные специалисты по истории и нумизматике, прежде всего, Западно-тюркского каганата, – нумизмата-согдиеведа Г. Б. Бабаярова и тюрколога А. В. Кубатина [Бабаяр, Кубатин, 2016]. Их труд посвящен попытке прочтения выполненных восточноевропейским руноподобным письмом легенд на восьми представленных в различных коллекциях монетах двух типов, представляющих копии аббасидских *дирхамов*, сведения о которых были обобщены в публикации И. Л. Кызласова [Кызласов, 2012]. Г. Б. Бабаяров и А. В. Кубатин попытались осуществить прочтение, осно-

вываясь на данных о памятниках древнетюркской рунической письменности орхоно-енисейского круга¹.

Это монеты двух типов, содержащих надписи арабской письменностью на арабском языке и, как уже отмечалось, надписи руноподобным письмом на неизвестном языке. Арабографичная формула на монетах одной из групп, гласящая *بركة لا زيبك* **[b^ar^ak^at 'l-zbyk]* и соответственно читаемая как *barakat al-Uzbik* 'благословение Узбеку' [Кызласов, 2012, с. 225–226; Кулешов, 2009(2), с. 4, 5; Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 15, 16 / с. 81], очевидно, дала авторам основание приступить к попытке прочтения рунической легенды на монетах этой группы, как в свое время великий венгерский филолог Дьюла Немет пытался расшифровать рунические надписи на сосудах из Надь-Сент-Миклоша, руководствуясь начертанной на одном из них надписью греческими буквами, давшими основания для попытки распознать в тексте два имени и предположить наличие в сочетаниях, образуемых руническими знаками, схожих с грекографичной надписью контекстов и слов [Németh, 1932; Németh, 1971].

В свое время А. А. Быков указывал нижнюю границу существования рассматриваемых монет 196 г. х. / 811–812 г. н.э. [Быков, 1974, с. 35, 66, табл. 2]. И. Л. Кызласов датировал их периодом – по крайней мере с конца VIII до первой половины IX в., хотя оговаривался, что эти монеты могли ходить и позже как подражания монетам халифата [Кызласов, 2012, с. 227–229], а В. С. Кулешов на основе косвенных признаков указал максимальной верхней границей примерно 313 г. х. / 925–926 г. н.э. [Кулешов, 2009(1), с. 107; Кулешов, 2009(2), с. 6]. Тем не менее Г. Б. Бабаяров и А. В. Кубатин только на основе своего прочтения отнесли их к первой четверти XIV в. [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 74, 76–77 / с. 146–147, 150–151]. Однако И. Л. Кызласов привел, на мой взгляд, достаточно обстоятельную аргументацию, согласно которой данные надписи, будучи памятниками выделяемого им так называемого кубанского письма, могут быть соотнесены с древними булгарами [Кызласов, 2012, с. 231–233, 235, 237–239]. Такую атрибуцию допускает и С. В. Куле-

¹ Как отмечают сами авторы, впервые попытка прочтения была озвучена ими на Международном конгрессе «Этногенез, история, язык и культура карачаево-балкарского народа», прошедшем в ноябре 2014 г. в Институте всеобщей истории, в Москве [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 14 / с. 78]. Поскольку книга вышла на двух языках, при цитатах ниже ссылаться мы будем на русскоязычный текст, указывая страницы обоих разделов – турецкоязычного и через знак '/' «слэш» – русскоязычного.

шов, склоняющийся тем не менее, как и А. А. Быков, к мнению о хазарской принадлежности данных монет [Кулешов, 2009(1), с. 107; Кулешов, 2009(2), с. 6–8].

Вероятно, попытка прочтения, принадлежащая Г. Б. Бабаярову и А. В. Кубатину, как и их книга, вышедшая спустя два года, не были бы так замечены, затерявшись в океане других многочисленных гипотез прочтения памятников восточноевропейской рунической письменности, если бы не ажиотаж вокруг деятельности О. А. Мудрака.

Следует отметить, что 21 апреля 2016 г. на конференции «Письменность как государственный элемент инфраструктуры» (XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто), проходившей в Институте всеобщей истории, этот исследователь, до этого несколько раз озвучивавший свою гипотезу в докладах в различных научных центрах России, выступил с собственным вариантом перевода и данных монетных легенд [Мудрак, 2016]. Однако он подвергся критике со стороны специалистов различных сфер: тюркологов, арабистов, кавказоведов, нумизматов, археологов. Главными, пожалуй, стали (если не учитывать такие моменты, как отсутствие четкого фонетического отождествления знаков) замечания по поводу того, что читаемые им фразы совершенно нехарактерны для такой группы источников, как нумизматика. Недоумение вызвало также наличие в чтениях профессора лексики, принадлежащей к совершенно различным языковым средам кавказских народов. Кроме того, прозвучало мнение о невозможности вписать его прочтения в исторический контекст.

Предложенное чтение данных монетных легенд О. А. Мудраком не может быть принято хотя бы потому, что оно сопровождается подменой знаков. Это касается не только произвольного чтения арабографичной легенды, на что было указано арабистами-профессионалами (Д. Е. Мишин, В. С. Кулешов, А. К. Аликберов), но и руноподобных знаков. Так, например, в радиальной надписи по реверсу монеты типа А последний знак третьего слова читается им как **7** вместо **7**, в центральной надписи на реверсе третий знак произвольно заменен с **С** на **С** (в нынешней редакции исправлено), предпоследний знак второго слова – с **Д** на **В** [Мудрак, 2016, с. 198], а на монете типа В предпоследний знак радиальной надписи на аверсе с **Д** заменен на **Э** [Мудрак, 2016, с. 200]. В целом же нужно отметить, что недостаточно сильным методическим ходом

является попытка произвольно подставлять гласные в самые разные позиции, тем более – в абсолютном конце предполагаемых лексем, исходя лишь из того факта (или соображения), что гласные определенного качества в конкретных позициях не получали графического обозначения. Часто этим грешат тюркологи при попытке прочтения лапидарных рунических надписей азиатского ареала. Тем не менее в этом случае мы, по крайней мере, знаем, что широкий неогубленный гласный, как правило, не выписывался в первом слоге, хотя и здесь бывали исключения. Однако последний факт, хотя и имеет место быть, по моему мнению, должен оказывать влияние на метод прочтения надписи в самых исключительных ситуациях (см., например: $kw^2r^2t^2qn^1$, т.е. *körtlä qan* (Е 10, стк. 5) при зафиксированном $kw^2r^2t^2A$ (Е 52, стк. 1) [Кормушин, 2008, с. 100–102, 144]). Даже если мы предполагаем совершенно иную систему письма, отличную от древнетюркской руники, подстановка при транскрипции нейтрального гласного *шва* /ə/, – позволяющего предполагать, в сущности, наличие звука любого качества, – должна быть строго мотивирована соображениями о каких-то общих закономерностях.

О. А. Мудрак, в свою очередь, высказал критику относительно почтений, предложенных Г. Б. Бабаяровым и А. В. Кубатиным, которая сводилась к следующим моментам:

(1) смешение в рамках одной лексемы знаков, обозначающих звуки велярного и палатального рядов;

(2) прочтение формулы “*kan Ösbeğ*”, не соответствующей нормам тюркского синтаксиса;

(3) нетипичное для тюркского синтаксиса наличие указательного местоимения в конце синтаксической конструкции.

Можно принять все эти замечания, кроме последнего. Так, ср. в надписи Тоньюкука (стк. 61 = вторая стела, северная сторона, стк. 3) *iltäriş qayan bilgä toñuquq qazyantuq ücün qapyan qayan türk sir bodun jorïduqi bu* [Rybatzki, 1997, S. 41, 74; Şirin User, 2009, s. 466], кроме того, это обычно для синтаксиса волжско-булгарских эпитафий XIII–XIV вв. (см.: [Хакимзянов, 1987, с. 57; Erdal, 1993, S. 13–14, 100–101]).

Однако все эти сложности в интерпретации прекрасно осознаются самими авторами, но на все три довода у них есть объяснения, которые сводятся к влиянию инокультурной и иноязыковой

среды на письменную традицию [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 19–23, 41, 69–72 / с. 85–90, 109, 142–145].

Я полностью солидарен как с узбекистанскими коллегами, так и с О. А. Мудраком, считая, однако, вслед за последним отмеченные натяжки большой проблемой для того, чтобы принять их чтение и соответственно интерпретацию надписей. Это кажется настолько очевидным, что здесь нет необходимости еще раз обсуждать чтение, предложенное этими авторами.

Следует лишь отметить, что сама попытка узбекистанских авторов видеть в монетах одного из типов (А) билингу, зацепившись за прочтение арабографичного *زبيك** как *(ö)zbīk*, имеет определенные сложности, и не только из-за отсутствия первого *'алифа* и *вāва*. Изображения второго и третьего знаков не имеют диакритики, поэтому любой из них может быть истолкован не только как *bā'* (ب) или *īāy* (آ), но и *nūn* (ن) или *mā'* (م). Поэтому можно много изощряться, подыскивая в тюркском (и не только) ономастиконе различные наименования с комбинациями из этих четырех знаков.

Предположительно читаемое в легенде одного из типов монет сочетание *beg | big | bek | bik*, если говорить о хазарском времени, – что согласуется с интерпретацией И. Л. Кызласова, – предстает в арабских источниках в двух формах: *بك* [*b.k*] и *باك* [*bāk*] [Golden, 1980, р. 163, 164; Golden, 2005, р. 210]. Исходя из этого, можно предположить в качестве наиболее допустимых вариантов чтения **zyb.k* и **z.nb.k | *z.n.b.k, *z.tb.k | *z.t.b.k* и, поскольку *кяф* свидетельствует в пользу палатального вокализма (к слову, как и *mā'*), подыскивать какие-то подходящие имена и титулы, вероятно, предполагая даже, что нехарактерный для тюркских языков инициальный */z/* мог соотноситься, например, со щелевым */š/*, как в восприятии арабских авторов, если только здесь не зафиксированная попытка написания *ز* (*zāyin* с тремя точками) для обозначения фрикативного, соответствовавшего болгарскому */ž/* и общетюркскому */j/* [Ermers, 1999, р. 77, 93–95, 97, 140, 137, 145–146]. Ср., например, неопределенные: др.-булг. *Zaβepγav* (личное имя) [Moravcsik, 1983, S. 128], др.-уйг. (брахми) *yivig*, др.-уйг. *yiväg* (°k) ‘equipment, and the like...’, и в связи с этим также як. *säp* ‘Werkzeuge, Gerät, Waffe, Sache’; др.-уйг. *yipäk* (личное имя) [Rybatzki, 2006, S. 274]. Вместе с тем, при чтении **zyb.k | *z.byk* вероятно формальное сопоставление с тюрк. **йиби* ‘мокнуть’, ‘намочить’ и т.п. (< **йиб* **‘мокрый’*) [Севортян, Левит-

ская, 1989, с. 196–197], при чтении **zyp.k* – с тюрк **йени*- ‘облегчаться; становиться легче (о положении)’ (< **йен* ‘легкий’) [Севортян, Левитская, 1989, с. 184]². Если допустить чтение **zyt.k*, можно предположить сравнение со следующим рядом: *йетик* туркм. ‘осведомленный’, тур. ‘достигший совершеннолетия’, ‘зрелый’, вост.-тюрк. ‘достигший’, карах.-уйг. ‘зрелый’, ‘опытный’, *ййтйк* баш. ‘выросший (о волосах), обросший’, *жсетик* кырг. ‘достаточный’, ‘дальновидный’, ‘мудрый’, *жсетйк* тат. диал. ‘проворный, ловкий’, *жсетйк* каз. ‘сведущий, знаток’, ккалп. ‘дальновидный’, ‘мудрый’, ‘развитой’, < **йэт*- ‘достигать, доходить’, ср. чув. *зит*- ‘достигать, доходить, доезжать, добираться; прибывать; догонять; заставить, настигать; посетить, побывать; исполняться; доставаться; достигать (апогея) и т.п.’, *ситех* ‘до’ (послелог) [Севортян, Левитская, 1989, с. 193, 194; Федотов, 1996, т. 2, с. 123–124; Левитская, 1976, с. 118]. Учитывая особенности болгарского консонантизма (см. ниже), допустимо также предполагать отыменное образование, объясняя ауслаут наличием характерного для болгарской группы аффикса диминутива +АК: так, см. типологически сопоставимое имя аббасидского *гуляма* хазарского происхождения *إيتاخ* [*’itāh*] < **ītaq*, ср. чув. *jutā* ‘dog’ < др.-булг. **jitaq* [Erdal, 1991(2); Erdal, 2007, р. 91; Golden, 2005, р. 208] (см. также: [Golden, 1980, р. 202]).

3

Возвращаясь к рассматриваемым памятникам, считаю возможным напомнить кажущееся справедливым замечание И. Л. Кызласова, отметившего идентичность начальной формулы монетных легенд и части надписи на ручке сеньярского кувшина. Он писал, что «попытки возможной теперь дешифровки начальной и устойчивой формулы, а за ней, надо надеяться, и всей кубанской рунической письменности – дело рук тюркологов-чувашеведов, равно как и знатоков древневенгерского» [Кызласов, 2012, с. 235]³. Не относя себя ни к первым, ни ко вторым, а также с некоторым скептицизмом принимая выделение И. Л. Кызласовым конкретных групп алфавитов, считаю все-таки важным попробовать показать воз-

² Приводимые здесь формы прилагательных типа *йеник* др.-уйг. ‘легкий’, ‘бесценный; дешевый’, *йэник* карах.-уйг., тар., осм., *йиник* уйг. диал. ‘легкий’ и др. в действительности содержат финальный -g [Erdal, 1991(2), vol. I, р. 217].

³ Курсив И. Л. Кызласова.

возможность дешифровки этих надписей на основе именно языков болгарского типа, учитывая возможность бытования различных диалектных особенностей (ср.: [Pritsak, 1955, S. 9])⁴.

При транслитерации для некоторых знаков я условно использую принятое для памятников орхоно-енисейского круга написание с индексами, как, например, n^1 и n^2 , или t^1 и t^2 , однако в данном случае это не служит для обозначения рядности, применяясь для удобства в различении форм знаков.

Надпись на монетах типа А

Транслитерация:

(аверс, по радиусу) *kGIŠA. ČAl. kAn². Wr¹t¹GI. AMGI*

(аверс, в центре) *kAn²*

(реверс, по радиусу) *t²GIr¹M. k^üWČr²GI. j²At¹. lA*

(реверс, в центре) *šln¹W. n²GI. j²MČs²r¹. b¹W*

Транскрипция (фонематическая):

(аверс, по радиусу) *(ə)KGI(i)Še. (ə)Čal. Kan². u[ə?]r¹t¹(ə)Gi. em(ə)Gi*

(аверс, в центре) *Kan²*

(реверс, по радиусу) *t²(ə)GIr¹(ə)m. k^üöčr²(ü)Gi (~ k^üwəčr(ə)Gi?). j²at¹. lA*

(реверс, в центре) *šal(a)n¹[ə?]u. (ə)n²(ə)iG. (e)j²(ə)m č(ə)s²(ə)r. (ə)bu*

Транскрипция (фонетическая):

(аверс, по радиусу) *əkGi-šâ. âč-el. kân. ur-tâGⁱ (~ uâr-tâGi). eməGⁱ*

(аверс, в центре) *kân*

(реверс, по радиусу) *tâGⁱrə-m. köč-râGⁱ (~ kâwəč-râGⁱ). iat. lA*

(реверс, в центре) *šâlân-u (~ šâlân-âw). ən-âG. âjam (~ âjə-m) če-sər.*

ə-bu

Перевод:

(аверс, по радиусу) ‘двоих внутренних сторон каном выбитый знак’

(аверс, в центре) ‘кан’

(реверс, по радиусу) ‘Тэ(н)гри (= Гóспода) моего пришедшее (?)
имя – вот!’ /

‘Тэ(н)гри (= Гóспода) моего пришедшее (?) – имя, вот!’

⁴ В этой работе автор не ставит задачу приводить обширную библиографию по проблемам восточно-европейской рунической письменности, как и по проблемам исследования языков болгарской группы, ограничиваясь привлечением наиболее показательных относительно тех или иных вопросов публикаций.

(реверс, в центре) ‘пламя создавший господин мой!» – должный произнести я’ /

‘пламя создавшее послание могущий (вар.: желающий, должный) произнести я’

Комментарий

ekGišə: числительное *äki* с собирательным аффиксом *+šI*; ср. чув. *ikkəš(ə)* ‘они двое’, ‘двое из них’ [Левитская, 1976, с. 15–16, 35, 50, 51, 112 прим. 279; *Róna-Tas*, 1976, р. 168; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 709]. Вероятно также, здесь *ekGišə* – субстантивная форма количественного числительного, ‘второй’ [Левитская, 1976, с. 48].

Первый гласный, *el*, нерегулярно обозначается и в волжско-булгарских эпитафиях [Erdal, 1993, S. 145, 150] (см. также: [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 200–201]). Случай употребления первого и второго знаков известен в одном из древнетюркских рунических памятников с территории Монголии [Баяр, Мөнхтула, Хүрэлсүх, 2008, 112–113 дугаар тал.]. Эмфатический смычный *-G-*, вероятно, имеет этимологическую природу [Левитская, 1976, с. 46], если, следуя соответствующей гипотезе о происхождении тюркского числительного *два*, геминированный согласный оканчивается на стыке морфемных швов (см.: [Севортян, 1974, с. 253; Левитская, 1976, с. 39; Blažek, 1999, р. 104, 330]). В связи с этим также интересно отмеченное в чувашском языке чередование озвонченных гуттуральных *-χ- > -γ-, -k- > -g-* и соответственно геминированных *-χχ-, -kk-* между гласными [Левитская, 2014, с. 173, 174].

äšəl: ср. чув. *шал* ‘внутренность, внутренний’, ‘внутренняя сторона’ < *äш + ал* [Ашмарин, 1959, с. 99; Егоров, 1964, с. 329; Федоров, 1996, т. 2, с. 431; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 192], где *ал* (< **äl*) – ‘перед, передняя часть / сторона’ [Clouston, 1972, р. 121; Севортян, 1974, с. 124–125; Хакимзянов, 1987, с. 66; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 198–199] (см. также: [Tekin, 1987, s. 23]), или какой-то древний падежный аффикс *+Al* [Левитская, 1976, с. 28] (см. также: [Левитская, 2014, с. 216 прим. 498]). Ср. сочетание *ič el* в трактовке ‘внутренние племена’ [Zeki Velidi Togan, 1939, S. 262–263], но если брать именно чтение *ēl* [Севортян, 1974, с. 339–343], ожидалось бы что-то близкое к волж.-булг. *jel* [Erdal, 1993, S. 83, 89; Левитская, 2014, с. 83]. Если принять предложенное выше прочтение с учетом чув. *аш*, то при-

ходится иметь в виду следующее: переход /č/ > /š/, по некоторым данным, следует относить к периоду VII–X вв. [Ligeti, 1986, 53–54, 55. о.], но, как отмечала Л.С. Левитская, ожидалось бы /č/ > /š/, затем /š/ > /s/, вероятно, под влиянием гласных заднего ряда [Левитская, 1976, с. 120], а такой отмеченный процесс, как переход /i/ > /ä/, по мнению О. А. Мудрака, имеет достаточно поздний характер, начиная с XIV–XV вв. [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 687, 705–706], при этом здесь следует учесть именно влияние последующего /š/ [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 156–157, табл. 10, с. 191, 192]. В дунайско-булгарском встречен случай невыписывания инициального звука у однокоренного **чргов** < станд. (греч. шрифт) *ιζιργου*, ср. др.-тюрк. *ičräki* [Бешевлиев, 1992, с. 63, 241] (см. также: [Menges, 1951, p. 96, 98; Pritsak, 1955, S. 75; Tekin, 1987, s. 45]).

kān: титул правителя. Как заметил И. Л. Кызласов, второй знак в данном случае должен считаться гласным [Кызласов, 2012, с. 234]. Узбекистанские авторы обосновали здесь чтение *kan*, с обозначением корневого гласного, как и на монетах второго типа, где гласный не обозначен [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 18–20, 25–26, 36 / с. 83–85, 91–93, 103–104]. Несмотря на то что в памятниках древнетюркской рунической письменности корневой гласный в этом слове не выписывается, теперь известен случай, подтверждающий возможность и такого написания: этот термин в таком написании встречен в сочетании *j(a)yl(a)q(a)r*: *qan* в стк. 3 эпитафии уйгурского принца Кары Чор тигина (795 г.) [Alyilmaz, 2013, s. 20, 22, 31–32; Rybatzki, Wu, 2014, p. 118, 119 (fig. 6: line 3); Aydın, Ariz, 2014, s. 68].

Характерно отсутствие специального знака для употребления увулярного смычного, который бы здесь предполагался – ср. чув. *хон / хун* ‘хан’ [Егоров, 1964, с. 303–304; Федоров, 1996, т. 2, с. 357]. Это может быть объяснено, с одной стороны, заимствованным характером слова из языка общетюркского типа. Ср., однако, вероятно, дун.-булг. **kana* в грекографическом *kanε*, *kanva* и сложноставном *kaná çvβηη*, *kaná çvβηηη*, *kanε çvβvηη* смешанном латинско-грекографическом *cane svβηη*, а также латинографическое *cannataban* = *canna tarcan* [Moravcsik, 1983, S. 148–149, 330; Бешевлиев, 1992, с. 59, 60, 62, 72–74, 239; Tekin, 1987, s. 41–43; Golden, 1992, p. 249; Stepanov, 2001, p. 4–7; Şirin User, 2010, s. 607–608; Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 19 / с. 85]. Д. Немет отмечает как булгарское (?) заим-

ствование, встречающееся в венгерских хрониках – личное имя *keán* – в двух случаях употребления принадлежало вождям болгар (*resp.* болгар), один из которых, по преданию, правил после Аттилы, второй в 1003 г. был побежден Иштваном, и, возможно, с ним же связано имя знатного человека, современника Гезы, отца Иштвана (ср. трансильванская знатная фамилия *kán*; *kán* < *keán* < **kahan* < **qayan*: [Németh, 1991, 232–233. о.] (см.: [Kristó, 1993]). Материал венгерского языка позволяет считать, что переход увулярного /q/ > /χ/ в болгарских языках имел место в заключительный период венгерско-болгарских контактов (см., например: [Golden, 1980, p. 125]). Впрочем, есть косвенные данные об этом переходе увулярного раньше VIII в., в одном из древнеболгарских («оногурских») диалектов, — зафиксированное в грекографичном *χαρσίον* в значении *μαύρον νερόν* ‘black water’, т.е. < **χара šiu* [Róna-Tas, 1976, p. 184; Erdal, 2007, p. 91–92, 93]. Однако вопрос пока не ясен, поскольку достоверно процесс зафиксирован лишь для волжско-болгарских эпитафий [Левитская, 2014, с. 159–160]. Если все же принимать сопоставление с общетюркским *qān* (см. также: [Menges, 1951, p. 93, 98, 99–100]), наличие мнимого палатализованного согласного можно объяснить также тем фактом, что соответствующий знак обозначает слоговый элемент /ki/, таким образом, получается **kian* (о дифтонгизации долгих гласных см. ниже). Но в этом случае нужно учесть и двоякое написание слова: отсутствие графического обозначения гласного может свидетельствовать в пользу отсутствия долготы в корне.

Мы даем условную транскрипцию *kān*, учитывая и тот факт, что титул, известный из памятников древнетюркской рунической письменности как *qan*, не зафиксирован ни у болгар, ни у хазар.

urtāGi (~ *uār-tāGi*): глагол *ur-* с одним из значений ‘to put (something Acc., on something Dat. or Loc.)’ [Clauson, 1972, p. 194–195], чув. *вӑр-* [Егоров, 1964, с. 48–49; Федоров, 1996, т. 1, с. 107–108], переходный, с аффиксом имени действия *-dUk* ~ *-tUk*, соответствующим общетюркскому причастию совершенного действия *-dOk* ~ *-tOk* (тур. *-dIG* ~ *-tIG*), который часто соотносится с объектом действия, не предполагая указания на деятеля и, соответственно, наличия аффиксального показателя [Ашмарин, 1976, с. 62–63; Erdal, 1988, p. 229–233; Erdal, 1993, S. 78, 157; Erdal, 2004, p. 239–240, 294–296, 298, 319; Кормушин, 2008, с. 222–223, 224–226] (см. так-

же: [Кононов, 1980, с. 124–126; Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 461–464]). При этом болгарский вариант не подразумевает наличия /d/ и здесь мы предполагаем форму *-rUg*, но в соседстве с основой, оканчивающейся на *-r*, предполагается *-tUg* [Erdal, 1993, S. 77, 138]. Болгарские памятники показывают необходимость присоединения показателя лица деятеля, в данном случае явных показателей нет, потому можно предполагать 3 л. ед. ч.: *+i*, вероятно отраженное в начертании последнего знака – **gi*.

В уйгурском и кыргызском языках глагол *ur-* в сочетании с соответствующими словами используется в значении ‘ставить печать’, ‘ставить, накладывать клеймо, тавро, печать’, ‘выжигать тавро’ и т.д. [Кызласов, 1983, с. 89].

emāGi: ср. слово **en* (у сэра Дж. Клосопа ошибочно отмечен инициальный закрытый /e/), обозначающее метку, надрез, делающиеся на ухе животного в знак собственности; она вычленяется в глаголе *enä-* у Махмұда ал-Қашғарӣ, а также в ряде других языков, и коррелирует с именными образованиями типа тур. диал. *enek-*, *enek-*, баш. *инэв-* ‘метка на ушах животных и на лапах птиц’; иногда его сопоставляют со словом **im*, известным в различных фонетических формах в ряде тюркских языков в значении ‘знак’, ‘пароль’, ‘намек’; см. у Махмұда ал-Қашғарӣ *im* в значении *al-amāra* ‘the password’ [Clauson, 1972, p. 155, 166, 171; Севортян, 1974, с. 277–278, 632–633; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 329–330]. В настоящее время есть основания развести основы с широким и узким гласными, признав их гетерогенными [Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, pt. I, p. 600, 619; pt. II, p. 1143]. Возможно также в одном из случаев речь идет о китайском заимствовании – ср. *инь* [yìn] 印 ‘печать’ [Осава, Сүзүки, Лхүндэв, 2011, 143-дугаар тал.]. В чувашском языке ни одна из этих форм не зафиксирована, и поэтому первая нами предполагается. Наличие согласного /m/, — который в данном случае, в односложной основе, может соответствовать общетюркскому /n/, но тут предполагался бы узкий гласный, однако есть исключения из этого правила [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 44–48] (ср. также дун.-булг. **сань** ‘Würde’ и **самьчи** ‘Beamter, Verwalter’, *σαμῆς* id. [Pritsak, 1955, S. 72]; о чередовании *-n ~ -m* см. также: [Левитская, 2014, с. 219–221]), — дает основания предположить общетюркское соответствие именно в форме **en*. О. А. Мудрак пишет о древнем чувашском продуктив-

ном аффиксе *-Vq / *-Vk [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 701–703; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 49–52], что, вероятно, диминутив +AK (чув. +IK) [Левитская, 1976, с. 143; Erdal, 1991(1), s. 35; Erdal, 1991(2), vol. I, p. 40].

Заманчивое внешнее сопоставление с ср.-монг. *e'emek*, письм.-монг. *egetek* 'кольцо', 'серьга' должно быть отсеяно ввиду позднего происхождения стяженной формы (халх.-монг., бур., калм. *ēmeg*, ордос. *ēmek*, *ēmük* id.) < *eye- [Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, pt. I, p. 494].

Есть основания видеть здесь термин, близкий к чув. *амак* – некое устаревшее слово, обозначавшее какую-то болезнь [Ашмарин, 1994, с. 197–199; Егоров, 1964, с. 25–26; Федоров, 1996, т. 1, с. 39–40], ср. др.-уйг. *ämgak* 'мучение, страдание'; общетюрк. *ämgak*, *ämäk* id. < *ämgä*- 'мучить(ся)' [Севортян, 1972, с. 272–274; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 698]. Однако трудно было бы объяснить его наличие здесь с точки зрения семантики.

täGräm: ср. др.-тюрк. *täñri*, чув. *тырă* 'Бог' [Егоров, 1964, с. 259; Федоров, 1996, т. 1, с. 252–253]: *tură* < **tauri* < **tewri* < *tegrī* [Ryna-Tas, 1976, p. 182], либо *tură* < **tañri* < **tañri* [Erdal, 1988, p. 230–231; Erdal, 1993, S. 120; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 160]; дун.-булг. *Таһһра* [Menges, 1951, p. 110–112; Бешевлиев, 1992, с. 59, 132; Tekin, 1987, s. 60]. В данном случае слово написано с личным притяжательным аффиксом 1 л. ед. ч. +(X)m. Эта притяжательная форма в древнеуйгурских буддийских документах использовалась как составная часть личного имени принцесс [Clauson, 1972, p. 524]. Рядность здесь обозначена условно.

köçrâGi (~ *kâwäç-râGi*): ср. чув. *күç- / коç-* 'передвигаться, переселяться; переходить с места на место; переместиться' [Егоров, 1964, с. 120; Федоров, 1996, т. 1, с. 315], волж.-булг. *köeç-* 'umziehen, reisen' [Róna-Tas, 1976, p. 179; Erdal, 1993, S. 55, 61, 86], др.-тюрк. *köç-* «'to change one's abode, migrate'; with some extended meanings like 'to be nomadic', and metaph. 'to die' (i.e. migrate from this world to the next)» [Clauson, 1972, p. 694]; с показателем имени действия *-rUg* [Erdal, 1993, S. 77, 138] (см. выше), что с учетом его полифункционального значения древних языках, среди которых безотносительное определяемое отглагольное имя, дает здесь субстантиват с семантикой объекта или результата действия [Кормушин, 2008, с. 222]. Это предполагает буквальный перевод 'то, что пришло', в определенных контекстах могущее давать значения –

что-то вроде ‘новосел’, ‘новопереселенец’ и т.п., но также и ‘пришествие’, ‘переселение’ и т. п.

Специфическое обозначение инициального звука лигатурой может трактоваться по-разному: (1) обычное явление, если мы имеем дело со слоговым письмом; (2) для указания на палатальный вокализм всего слова, либо (3) предполагается указание на долготу корневого гласного – ср.: волж.-булг. *köväč- < пратюрк. *kōč-, однако наличие долготы трудно обосновать на материале других тюркских языков (см.: [Севортян, 1980, с. 90; Erdal, 1993, S. 72]), и в этом случае для второго знака можно предполагать значение восходящего дифтонга /*uə*/ > */wǎ/.

iat: ср. чув. *ям* [jām] ‘имя’, ‘название’ [Егоров, 1964, с. 354; Федоров, 1996, т. 2, с. 505] (см.: [Ligeti, 1986, 41–42. о.]), – вместо ожидаемого **jut* / **ut* (см.: [Левитская, 2014, с. 52]), – общетюрк. *āt* id. [Clauson, 1972, p. 32–33; Севортян, 1974, с. 198–199]. В орхонских и, видимо, енисейских памятниках слово *at* употребляется без аффиксальных показателей преимущественно в тех случаях, когда выступает как дополнение, обозначая титул в самом общем смысле, например, часто во фразе *at birtim* [Şirin User, 2009, s. 294] (см. также: [Кормушин, 2008, с. 56]).

la: возможно предположить и +*la* как аффикс совместного падежа (комитатив) [Erdal, 1993, S. 97–98; Левитская, 1976, с. 29, 114–115; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 666], но тогда надо объяснить, почему он отделен словоразделителем; поэтому, более вероятно, что здесь указательная частица [Левитская, 1976, с. 33].

śālānu (~ *śālān-āw*): ср. чув. *çulām* / *çolām* ‘пламя’, венг. *gyú* + *jt* ‘зажигать’ [Егоров, 1964, с. 217; Федоров, 1996, т. 2, с. 133–134], что предполагает здесь инициальный /*ʒ*/ < */δ/; < *jal-* ‘вспыхивать, воспламеняться’, реже в переходных значениях – ‘выжигать, прижигать, припекать’ [Севортян, Левитская, 1989, с. 106–107; Erdal, 1991(2), vol. I, p. 302, 310; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 356, 363], в данном случае – с уже вторичным образованием: булг. /*ʒ*/ < /*ʒ*/ < пратюрк. /*j*/ [Дыбо, 2007, с. 32]; о чув. -*Xn* см.: [Левитская, 1976, с. 92], здесь – с ненапряженным о-образным последним гласным [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 683].

Если предполагаемое нами слово верно (в пользу чего совершенно никаких доказательств), то здесь есть некоторая проблема. Как будет показано ниже, в других надписях есть вероятность интерпретировать инициальный знак предполагаемого нами здесь слова именно как глухой вариант, здесь же иное фонемное значение предлагается лишь потому, что значение /č/ «закреплено» за другим знаком (см. ниже). Однако нет никаких данных о наличии глухого варианта, развившегося из пратюркского /j/ в анлауте. Известно также, что, например, в волжско-булгарском графически не различались глухая и звонкая аффриката [*Róna-Tas*, 1976, p. 158; *Erdal*, 1993, S. 121]. Однако только в чувашском зафиксировано оглушение и спирантизация аффрикаты /š/ < /ž/ [*Róna-Tas*, 1976, p. 184]. Вероятно, и в данном случае речь может идти о какой-то довольно ранней диалектной особенности с этим явлением [*Левитская*, 2014, с. 143, 199–202], отразившейся, например, на башкирском материале – в случаях, когда вместо ожидаемого /j/ в анлауте встречается /s/ или /š/ [*Валиева*, 2015, с. 572; *Валиева*, 2016, с. 12–13], при этом башкирский инициальный /s/ должен восходить к /č/ [*Róna-Tas*, 1976, p. 165; *Левитская*, 2014, с. 39]. Последнее соответствие на диалектном уровне мы встречаем также в татарском языке [*Хисамова*, 2012, с. 103–104]. Известный нам пример: название р. Черимшан – у Ибн Фадлāна جرمنس* * [čarimsan], в волжско-булгарской надписи 1307 г. جرمنس [čarimsan], у Шарафутдīна ибн Хисāмутдīна ал-Булгāрī в «Тавārīх-и Булгāрīйā» есть جرمشان [čarimšān] и sarmasān, последнее из которых коррелирует с совр. баш. särmäsän [*Róna-Tas*, 1976, p. 164–166]. Вероятно, этот же процесс фиксируется в дунайско-булгарском языке: ср., прежде всего, дун.-булг. сарактов (или сарактоç) ‘взоръжена войска’, ‘бойни сили’ и общетюрк. jaraq ‘взоръжение’ [*Бешевлиев*, 1992, с. 61, 63, 189], при гомогенном чув. сурат- ‘рожать’ [*Севортян*, 1980, с. 139] (см. также: [*Menges*, 1951, p. 109, 118; *Pritsak*, 1955, S. 19, 44, 55; *Tekin*, 1987, s. 19, 61–62; *Левитская*, 2014, с. 25]).

Облик ауслаута также находит объяснение. По крайней мере, в волжско-булгарском языке уже к X в. фиксируется развитие -ig# > -ü(w)# [*Erdal*, 1993, S. 118] (ср.: [*Róna-Tas*, 1976, p. 183]), в том числе можно предполагать показатель аккузатива +XG > +U [*Erdal*, 1993, S. 97] (см. также: [*Erdal*, 1988, p. 229]); этот же процесс, судя по всему, мы находим в дунайско-булгарском [*Pritsak*, 1955, S. 73;

Tekin, 1987, s. 17] и, возможно, в кубанско-булгарском [*Golden*, 2005, p. 216–217], т.е. он имел место в уже довольно ранний период (см., однако: [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 118; *Дыбо*, 2007, с. 34, 37–38]).

anâG: возможно предположить абстрактное образование от пратюрк. **en-* < **in-* ‘рожать’, ‘зачать’ [*Севортыян*, 1974, с. 359–360], + *-(X)G* – аффикс, образующий абстрактные именные формы от глагольных основ, как от непереходных, так и переходных, при этом в последнем случае преимущественно выступая в функции субъекта действия [*Левитская*, 1976, с. 154–155; *Erdal*, 1991(2), vol. I, p. 172–223]. Учитывая отмеченный выше процесс лабиализации конечного звонкого смычного *-G#*, приходится предполагать здесь именно глухой вариант аффикса **-(X)k*.

Заманчиво увидеть здесь и производное от основы **in-a-*, родственную общетюрк. *inan* / *inan* ‘вера, доверие’, *inan-* / *inan-* ‘верить, доверять’, при чув. *ёнен-* ‘верить, поверить, веровать’ [*Егоров*, 1964, с. 64; *Федоров*, 1996, т. 1, с. 152; *Севортыян*, 1974, с. 655–656; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 190]. Ср., др.-уйг. (маних., брахми) *inaγ* ‘a trustworthy person, the object of trust’, *inaq* в *'n'qsyz* ~ *'n'qsz* (XIII–XIV вв.) ‘ohne Zuflucht’, которого нет в средне-тюркском (караханидско-уйгурском), поэтому не исключено обратное монгольское заимствование – ср. ср.-монг. *inaq* ‘Favorit, Günstling’ [*Clauson*, 1972, p. 182; *Erdal*, 1991(2), vol. I, p. 188, 331; *Rybatzki*, 2006, S. 133–134]. Сэр Дж. Клосон отмечает исходную форму **inā-*, Ф. Рыбацки – **ina-* ~ **yina-*. Сэром Дж. Клосоном указывается, что глагол *inan-* (*inān-*) управляет дательным падежом [*Clauson*, 1972, p. 182, 184, 188]. Материалы чувашского языка, где совпали показатели датива и аккузатива [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 707], для каких-либо заключений привлечь не представляется возможным.

âjæt: возможно, **âjæt-m* – ср. чув. *ийе* / *ййа* ‘название духа; злой дух; духи в бане; домовый’ [*Егоров*, 1964, с. 67; *Федоров*, 1996, т. 1, с. 161–162], < **ege* ‘хозяин’, что напоминает заимствование из языков общетюркского типа (кыпчакизм?) [*Севортыян*, 1974, с. 237–241; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 324–325; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 21, 535, 576, 577], ср.: др.-тюрк. *edi*, др.-уйг. *edi*, *egä*, *ejä*, ср.-тюрк. *edi*, *edī*, *ejä*, *ijä*, волж.-булг. *idī*, и др. – “properly ‘master, owner’, but in Moslem texts

often ‘the Lord’ (God)” [Clauson, 1972, p. 41; Rybatzki, 2006, S. 283]; +
 -(X)m – аффикс принадлежности 1 л. ед. ч.

Вероятен другой вариант – ср. др.-тюрк. (уйг.) *ij-* ‘следовать’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 205]; ср. также *ij-* ‘посылать’, ‘отправлять’, ‘направлять’ [Севортян, 1974, с. 332–333], где сравниваются формы с соответствием $d \sim z \sim j$, нёбные и ненёбные, при этом формы с *-j-* отмечаются как более поздние, но уже существовавшие к XI в. [Севортян, 1974, с. 323]; ср. др.-тюрк. *id-* *id-* [Clauson, 1972, p. 37–38; Erdal, 2004, p. 257], *ed-* *id-* [Yavuzarslan, 2010, s. 163–165]. Отмеченное чередование – относительно позднее явление, нехарактерное для памятников древнетюркской рунической письменности азиатского ареала. Судя по имеющимся реконструкциям, восстанавливается древнейшая форма **id-* со значением ‘посылать’/‘отправлять’, ‘отпускать’, отразившаяся в орхонских памятниках [Севортян, 1974, с. 332–333; Щербак, 1970, с. 194; Сравнительно-историческая грамматика..., 1984, с. 93] (см. иначе: [Кононов, 1980, с. 71, прим. 26]), при этом, по другому мнению, согласный имеет вторичный характер, восходя к архетипу **j-* [Сравнительно-историческая грамматика..., 1984, с. 296, 297]; ср. чув. *яр-* [йар-] ‘пустить, допустить, отпустить, впустить, выпустить, пустить в ход; класть и др.’; ‘распустить’ [Егоров, 1964, с. 354; Федоров, 1996, т. 2, с. 503; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 33] (с аффиксом понудительного залога *-Ar-*). Форма с нёбным гласным характерна для ранних турфанских древнеуйгурских текстов [Clauson, 1972, p. 274; Erdal, 2004, p. 334, note 538], где встречается в значении ‘следовать’, ‘преодолеть’, а в целом присуща ряду кыпчакских языков при коман. *ī-*, и, видимо, речь идет о смешении с другой основой — *ij-* < *ej-* ($\sim eg-$ $\sim ez-$ $\sim *ed-$) ‘следовать’ [Севортян, 1974, с. 242–245] > (вторичное заимствование) чув. *ер-* [йер-] ‘увязаться, привязаться, присоединяться; сопровождать; принимать участие’ [Егоров, 1964, с. 61–62; Федоров, 1996, т. 1, с. 143–144], ср., однако: < *ajer-* (*jaT-* < **ijT-* \sim **ajT-* < **#ejT-*; *j-V-* < **aj-V-* < **ij-V-* < **ej-V-*) [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 34, 202]. Читаемое слово характеризуется наличием показателя имени действия *-(X)m* со значением абстрактным, процесса, результата, признака или объекта действия, меры [Левитская, 1976, с. 157–158].

çesar: ср. чув. *чён-* ‘звать, приглашать, кликать, говорить, отвечать’, общетюрк. *te-* / *de-* ‘сказать, называть’ [Федоров, 1996, т. 2,

с. 412], с палатализацией **d* > *č*- (*č*-?) перед /*л*/ [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 58–59; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 192], что для чувашского языка должно было иметь место после VIII в. [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 703] (ср. также: [Erdal, 2007, р. 92]), но чаще датируется периодом после XIV в. [Левитская, 2014, с. 182–183]. Достоверно такая палатализация в тюркских языках фиксируется в заиксированной форме слова *tegin* > *čegin*, которая встречается в другом документе с горы Муг (В 8) в личном имени пенджикентского правителя *Čegin Čor Bilgä* (правил не позднее 693 г.) в форме *ck'yn cwr byđk'* [Лурье, 2005; Lurje, 2010, р. 161]. Специалистами давно отмечается любопытная деталь, что в древнетюркских памятниках (орхонских, енисейских, древнеуйгурских) глагол *tę-* ‘говорить, сказать’ не употребляется без связи с прямой речью или мыслью (‘говорить / сказать относительно / о...’), которую слово обычно замыкает или ей предшествует [Clouston, 1972, р. 433–434; Севортян, 1980, с. 223].

Наличествуе аффикс *-sA(r)* – в волжско-булгарском показателе герундия, своеобразного имени действия [Erdal, 1993, S. 71–75]. В других тюркоязычных памятниках аффикс *-sAr* является показателем условного деепричастия или инфинитива сопровождения, сопроводительного деепричастия, будучи эквивалентным др.-тюрк. *-(X)p* (уже в некоторых древнеуйгурских буддийских памятниках появляется форма *-sA*, но закрепляется она только с периода карахандидско-уйгурского языка) [Erdal, 2004, р. 112, 309, 320–321, 480–483, 494–504] (см. также: [Róna-Tas, 1985, 243. о.]). Однако допустимо предполагать употребление показателя *-sA* со значением будущего времени и иногда прошедшего категорического (в том числе в чувашских диалектах) в функции самостоятельного сказуемого [Левитская, 1976, с. 70, 103; Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 435]. Очевидно, речь идет об омонимах. Отсутствие других глагольных конструкций дает возможность допустить здесь причастие на *-sAr* со значением возможности долженствования и т.д. [Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 468].

Сочетание с предыдущим словом подразумевает глагольное управление. В этом случае предполагается нахождение прямого объекта действия в винительном падеже. Однако явление, когда прямое дополнение находится в именительном падеже (его в дополнениях иногда считают неоформленным винительным), широко известно, по крайней мере, в памятниках древнетюркской рунической письменности.

сти [Аманжолов, 2012, с. 45–46; Кононов, 1980, с. 150–151; Erdal, 2004, р. 361–364], а также характерно для языка волжско-булгарских эпитафий [Erdal, 1993, S. 97] и чувашского языка [Ашмарин, 1976, с. 28–29].

(ə)bu: др.-чув. *ε-bU 'я' [Левитская, 1976, с. 29–30; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 708–709, 711]. Важно отметить, что в памятниках древнетюркской письменности VIII–X вв. аффикс *-sAr* используется в сочетании с местоимениями, добавляющимися к нему для обозначения лица субъекта, производящего действия [Korkmaz, 1965, s. 46–47; Erdal, 2004, р. 320–321, 448–449]. Даже в языках болгарской группы, где он употреблялся в ином значении, подобное явление в синхронный период существовало. Данное обстоятельство позволяет предполагать использование формы местоимения в качестве показателя лица, выполняющего действия [Левитская, 1976, с. 57; Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 393–394; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 711; Кормушин, 2008, с. 207–209].

Надпись на монетах типа В

Транслитерация:

(аверс, по радиусу) *kGIŠA. ČAl. kn². Wr¹t¹GI. Aj²M. kn² bWls²n²*

Транскрипция (фонематическая):

(аверс, по радиусу) (ə)KGI(i)še. (ə)čel. K(a)n². u[ə?]r¹t¹(ə)GI. Aj²əm.
K(a)n bols²ən²

Транскрипция (фонетическая):

(аверс, по радиусу) *əkGi-šâ. âč-əl. kân. ur-tâGⁱ (~ uâr-tâGⁱ). âj-əm.
kân bol-s²ən*

Перевод:

(аверс, по радиусу) 'двоих внутренних сторон кана выбитый месяц мой; да будет кан!'

Комментарий

âjəm: ср. чув. *уйăх / ойăх*, волж.-булг. *айх* ايج, общетюрк. *âj* ~ *aj* 'луна, месяц', при туркм. *âj*, но як. *ij* [Егоров, 1964, с. 270; Севортьян, 1974, с. 99; Левитская, 1976, с. 143; Левитская, 2014, с. 23, 79; Федоров, 1996, т. 2, с. 271; Erdal, 1993, S. 89–90; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 55, 76–77; Сравнительно-исто-

рическая грамматика..., 2002, с. 673, 702], с аффиксом принадлежности 1 л. ед. ч. +(X)m.

bolsan: повелительное наклонение третьего лица; в древнетюркских памятниках отмечается формант *-zUn ~ -čUn* (после *lt*, *ll*), возможно, судя фиксирующейся форме *-žUn*, имевший звук типа [ž] или [j], в караханидских памятниках *-sUn* [Erdal, 2004, р. 84, 121, 235; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 35–36]; форма *bolsun* известна в одном из диалектов волжско-булгарских памятников [Хакимзянов, 1987, с. 69, 70]. А. Рона-Таш читает эту форму в Сарвашской надписи [Róna-Tas, 1985, 241, 243. о.]. Предполагается, что в основе аффикса лежит формант **-sI* – аффикс желательного наклонения + *-Xn* – показатель причастия с пассивным оттенком [Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 346]. Для волжско-булгарского языка в целом характерна форма *-tUr* [Erdal, 1993, S. 64–66] > чув. *-tär*; последняя считается вторичной: *-tǎ / -čǎ < -tI / -sI* + аффикс причастия *-r* [Левитская, 1976, с. 58, 75–76; Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 346–347]. Ср., однако, чув. опатив *-сан* [Гаджиева, Серебренников, 1986, с. 162]. Ср., вероятно, чув. *-ž- / -š-* (орфогр. *-č-*) < пратюрк. *-č-* в результате палатализации (VIII–IX вв.) [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 25, 60–62, 202].

Трудно объяснить, о какой «луне» или «месяце» может идти речь, если только, например, не выдвинуть предположение, что подразумевается тамга, которую большинство исследователей видит в начертании первого знака (верхнего, если ориентироваться на расположение арабской надписи), начинающего радиальные надписи на аверсе монет обоих типов, и допустить, что подразумевается не буквальное значение слова – ср. як. *ый / ij* ‘металлическое изображение луны на одежде шамана’, кырг. *айчык* ‘узор в виде полумесяца’, каз. *айшық* ‘узор, украшение в виде полумесяца или кольца’, ккалп. *айшық* ‘женское нагрудное украшение в виде полумесяца’ [Севортян, 1974, с. 99] (см. также: [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 337–338]).

Несмотря на интересные попытки Г. Б. Бабаярова и А. В. Кубатина найти аналогии для этой тамги в материале золотоордынской эпохи [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 43–46 / с. 112–115], вполне убедительным кажется сопоставить ее с соответствующим знаком, имевшим бытование в среде волжских булгар [Кокорина, 1989]. В этом

случае характерная болгарская тамга выбита на монетах типа А и типа В соответственно в разных положениях – перевернутой на 180° [Кызласов, 2012, с. 242–243, рис. 1–6], но именно во втором случае это, скорее всего, сделано верно [Кызласов, 2012, с. 233]. Таким образом, *дирхамы* типа В, если рассматривать эти монеты во взаимосвязи, должны считаться эталонными (ср.: [Кызласов, 2012, с. 238]).

4

Для некоторых заключений историко-культурного характера очень важно обратиться к арабоязычным легендам на монетах типа В. Здесь мы имеем дело с отдельными фразами, которые могут оказать помощь в интерпретации надписей, выполненных руноподобным письмом.

Аверс, в центре – /четыре строки/:

Текст: /1/ لا اله الا الله [lā 'ilahi 'illā] /2/ الله وحده [ʾllahu waḥdat] /3/ لا شريك له [lā šarīku lah] /4/ المشرق [ʾl-mašrīq]

Перевод: '1/ Нет бога, кроме /2/ Аллаха, един Он, /3/ нет у Него сотоварища. /4/ Машрик'.

Комментарий

Никакого «Хосрова» (الهسرو) * [ʾl-hsrw]), вопреки Г. Б. Бабаярову и А. В. Кубатину [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 37–38 / с. 105–106], там нет. Обозначение *ал-маширик* 'восток' (видимо, восточные провинции Халифата) типично для монет с титулом *з̣в̣-р̣-р̣ий̣ясатайн*, печатавшихся в Самарканде в период 199–204 г. х. / 814/815–819/820 г. н.э. [Lowick, 1999, p. 290–293; Кулешов, Еремеев, 2015, с. 608] (см. ниже).

Реверс, по радиусу:

Текст: محمد رسول الله ارسله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون [Muḥammad rasūl 'allah 'al-salahu bi-l-hudā wa dīn 'al-ḥaq liyuzhirahu 'alā 'al-dīn kulih walaw karihu 'al-mušrikūn]

Перевод: 'Мухаммад – посланник Аллаха, который послал его с прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, хотя бы и ненавидели это многобожники'⁵.

⁵ Здесь и далее – перевод смыслов Э. Р. Кулиева.

Комментарий

Соответствующая сура из Корана (Қур’ән, 9 : 33) [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 38 / с. 106–107].

Реверс, в центре – /четыре строки/:

Текст: /1/ الله [’āllah] /2/ محمد [muḥammad] /3/ رسول الله [rasūl ’llah] /4/ زوالرياستين [zū-’l-riyāsatayn]

Перевод: /1/ Аллах. /2/ Мухаммад – /3/ посланник Аллаха. /4/ Владелец двух правлений’.

Комментарий

Обозначенный титул *zū-’p-rīyāsatayn* ‘владелец двух правлений’ с 196 г. х. / 811–812 г. н.э. носил *везир* халифа Ма’мūна (813–833) ал-Фадл б. Сахл, он печатался на *динарах* и *дирхамах* с этого года и даже после смерти этого деятеля в 202 г. х. / 817–818 г. н.э., вплоть до 196 г. х. / 820–821 г. н.э. [Быков, 1974, с. 35, 66, табл. 2; Кызласов, 2012, с. 228].

В связи с интерпретацией интересен вопрос о функциональном предназначении этих монет. В Восточно-тюркском каганате, например, использование монет, поступавших преимущественно из Китая в единичных экземплярах, имело, судя по немногочисленному материалу, сакральное значение. В Кыркызском каганате использование монет в торговле гипотетично из-за недостаточного количества находок, как и в Западно-тюркском и Тюркешском каганатах, хотя там уверенно можно говорить о собственном чекане, связанном с подвластными оседло-земледельческими территориями [Кляшторный, 2006, с. 115–119; Кызласов, 1983; Кызласов, 1994, с. 200–201; Lin Ying, 2003; Lin Ying, 2006; Babayar, 2007]. Так же недостаточно данных и для заключений об использовании монет в торговой сфере у хазар и болгар, даже при наличии собственного чекана у тех и других [Kovalev, 2004; Kovalev, 2005; Kovalev, 2016]. В частности, касательно волжских болгар К. А. Руденко отмечает следующее: «Начало чеканки болгарской серебряной монеты относится к первому десятилетию X в., а эмиссии болгарских монет осуществлялись на протяжении всего X в., особенно активно во 2–3-й четверти X в., причем большая часть их вывозилась за пределы болгарской области. Вряд ли эти монеты выступали в ка-

честве денежного эквивалента в торговых операциях – слишком невелик размер эмиссии. Чеканка болгарской монеты – это своего рода политическая декларация, практически не сказывавшаяся на реальном суверенитете болгарской области Хазарии. Более того, это не результат экономической потребности болгарского общества, поскольку в поздних языческих захоронениях некрополей Волжской Булгарии первой половины X в. монеты болгарской чеканки не встречены, хотя в могильниках соседей болгар – поволжских финнов, например, марийцев, они, как и подражания им, встречаются часто и в немалых количествах» [Руденко, 2015, с. 179, 183].

Таким образом, если, соглашаясь с И. Л. Кызласовым, исходить из болгарской (конкретнее – волжско-болгарской) атрибуции интересующих нас монет, их можно рассматривать как одни из первых образцов документов, подтверждающих политический суверенитет волжско-болгарского правителя (ср.: [Кызласов, 2012, с. 238]). Их правомерно отнести к периоду не ранее второй половины X в., в том числе по аналогии с другими монетами волжских болгар, являвшимися преимущественно имитациями саманидских *дирхамов* [Kovalev, 2016]. Вместе с тем, здесь, конечно, требуется оценка компетентного нумизмата, который смог бы что-то сказать об особенностях арабских надписей на рассматриваемых *дирхамах* – характеристиках почерка, модуля, дукта. Интерес вызывает и тот факт, что в данном случае мы имеем дело не с саманидскими, а аббасидскими прототипами, что, в свою очередь, характерно для хазар начиная с середины IX в. [Kovalev, 2004; Kovalev, 2005; Kovalev, 2016, p. 203–204].

Интересен тот факт, что читаемое нами сочетание из радиальной фразы на аверсе *дирхамов* обоих типов *ḡkGi-šā. āč-āl. kān* формально соотносится с арабским *zū-'p-rīyācātayn* 'владелец двух правлений' на центральной надписи реверса *дирхамов* типа В. Однако, возможно, здесь скрывается иной смысл и под «двумя внутренними сторонами» подразумеваются две территориальных единицы волжско-болгарского объединения, характеризовавшиеся в 50–70-е гг. X в., – Булḡār и Сувар [Руденко, 2015, с. 168, 169, 181, 183, 185; Kovalev, 2016, p. 203, 204].

С мусульманской тематикой могут быть соотнесены надписи на реверсе монет типа А. Так, сочетание слов в центральной надписи *šāln-u (~ šāln-āw). an-āG*. 'пламя создавший' может быть каким-то

эпитетом, особенно если мы принимаем интерпретацию *âjâ-m* как ‘господин мой’. Ср.: «Среди них есть такие, которые уверовали в него (Мухаммада), и такие, которые отвернулись от него. Довольно того пламени (سعير [sa‘îr]), которое в Геенне!» (Қур’ән, 4 : 55); «Воистину, Аллах проклял неверующих и уготовил для них Пламя (سعير [sa‘îr])» (Қур’ән, 9 : 33); «А тех, кто ослушается Аллаха и Его Посланника и преступает Его ограничения, Он ввергнет в Огонь (نار [nâr]), в котором они пребудут вечно. Им уготованы унижительные мучения» (Қур’ән, 4 : 14); «Горе всякому хулителю и обидчику, который копит состояние и пересчитывает его, думая, что богатство увековечит его. Но нет! Его непременно ввергнут в Огонь сокрушающий (الخطمه [‘l-Huṭamah]). Откуда ты мог знать, что такое Огонь сокрушающий? Это – разожженный Огонь (نار [nâr]) Аллаха, который вздымается над сердцами. Воистину, он сомкнется над ними высокими столбами» (Қур’ән, 104 : 1–9). Возможно также, что здесь какая-то метафора с положительной коннотацией. Впрочем, чтение этого места в надписях наиболее сомнительно.

Непосредственно с этой строкой и соответственно также с мусульманской культурой может иметь связь радиальная надпись реверса монет типа А. Под «тем, что пришло», связанное Тэ(н)гри (= Гóсподом), – то есть от него (или ему принадлежащее, его характеризующее) пришедшим, – именем / названием, может подразумеваться вся фраза центральной надписи, относящаяся к текстеме «господин мой» (*âjâ-m*), либо при другом чтении центральной надписи – то «(нис)послание» (*âjâm*), что упомянуто там, либо слово *кан* на аверсе. В первом случае здесь может подразумеваться указание на эпитет наименования самого верховного божества (Тэ(н)гри), о котором говорится в радиальной надписи и который отражен в надписи по центру. Во втором случае в радиальной надписи может содержаться намек на обладание лица, чеканившего монету, неким ниспосланием Свыше (связанным с принятием ислама?). В третьем случае – указание на наделение лица, чеканившего монету (*кана?*) Свыше именем / титулом с какими-то благодатными свойствами – ср. эпитеты в титулатуре дунайско-булгарских правителей *ὁ ἐκ θεοῦ ἄρχων*, и тюркских каганов – *tänridä bolmîš... qaγan* или *tänri jaratmîš... qaγan* [Бешевлиев, 1992, с. 79]. Первый вариант, как кажется, выглядит более обоснованно с точки зрения синтаксиса, и более оправдан с точки зрения логики – в частности, если рассматривать

его как указание на обретение после принятия ислама правителем, чеканившим монеты, верховным божеством (Тэ(н)гри) нового наименования (например, эпитета المحرق [*l-muḥarriq*], букв. 'сжигающий'). Однако этот вариант имеет сложности в объяснении фонетического облика предполагаемого слова **âjə-m*, вокруг которого строится вся интерпретация.

Так или иначе, все предлагаемые варианты согласуются с высказанной выше гипотезой о функциональном предназначении монет. В целом же, общая недостаточность данных и абсолютная гипотетичность прочтений, переводов и интерпретаций оставляют широкое пространство для самых различных предположений, сопоставлений и просто фантазий.

5

Состав знаков. Главный вопрос, который должен интересовать любого члена научного сообщества, которому предлагается прочтение оставшихся нерасшифрованными ранее памятников – это вопрос о «ключе»: каким образом были подобраны фонемные значения тех или иных знаков? Разумеется, если мы предполагаем тюркоязычие данных текстов, мы будем ориентироваться на известные памятники древнетюркского рунического письма. Однако полное отождествление с формами знаков этих текстов путем подбора видимых или мнимых аналогий, как правило, не приводит к положительным результатам.

Поэтому определенное значение, на мой взгляд, имеет вторая глава книги Г. Б. Бабаярова и А. В. Кубатина, посвященная обоснованию палеографических сближений авторов [*Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 40–68 / с. 108–141*]. Эрудиция авторов, привлечших как исторические, так и филологические аргументы для своего прочтения, не вызывает сомнений. Авторы хорошо знают основную литературу и, произведя очень интересные наблюдения, выдвигают оригинальные отождествления. Понятно, что все построения, основанные на мнимых сходствах форм знаков, могут показаться умозрительными. Как уже отмечалось, все подобные построения находятся целиком «в зависимости от целеполагания, эрудиции и фантазии исследователя» [*Тишин, Флёров, 2016, с. 294*]. Тем более, авторы озвучивают свою позицию, согласно которой «кубанское

письмо имеет не местное происхождение» [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 43 / с. 111–112].

Мне также импонирует идея о том, что системы древнетюркской (если точно известно о тюркоязычности определенных памятников) рунической письменности непременно должны находиться в генетической связи друг с другом, восходя к какому-то первичному прототипу [Тишин, Серегин, 2017, с. 190]. Но, к сожалению, мы пока не можем сказать ничего определенного по поводу того, каким именно образом были связаны даже, например, известные локальные системы письма древних тюрков (Монголия, Алтай, Тува и Хакасско-Минусинская котловина, Таласская долина, Семиречье). Начать с того, что мы не знаем, как и, главное, зачем (в кочевнической среде!) возникло древнетюркское руническое письмо вообще. Поэтому вопросы типа «кто на кого повлиял?» и «кто у кого и что заимствовал?», не говоря уже о том, «как?» и «когда?», являются дискуссионными⁶.

Ниже приводятся взятые мною за эталон несколько знаков памятников орхоно-енисейского круга, учитываются также отождествления и комментарии предшественников, в частности Г. Б. Бабаярова и А. В. Кубатина, обобщивших значительный материал.

𐰃 *la*, *le* (~ */ä/ ~ */e/): широкий неогубленный гласный [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 49–51 / с. 118–120], ср. спорадически встречающийся в грекографичных дунайско-булгарских надписях знак Σ , обозначающий *le* [Бешевлиев, 1992, с. 135]. Возможно, в наших

⁶ Я не разделяю гипотезу, в разной степени поддерживаемую И. В. Кормушиным и И. Л. Кызласовым, согласно которой наличие в древнетюркских рунических памятниках различных ареалов определенного числа аллографов, имеющих одинаковое фонемное значение, опосредовано эволюционным характером трансформации начертания форм знаков. Я полностью согласен с Д. Д. Васильевым, писавшим, что в пользу всех этих построений свидетельствуют такие факторы, как «неровная фактура каменной поверхности большинства памятников, любительский, а не профессиональный характер многих надписей и, наконец, то обстоятельство, что орхонские памятники (рассматриваемые как основной графический критерий) были выполнены резчиками-иностранцами. Специально приглашенными для такой работы, а следовательно, мало знакомыми с «местной. – *Авт.*» письменной традицией». Действительно, метод сопоставлений графем по деталям в этом случае не учитывает «многочисленные срывы руки, случайность инструмента, иногда совершенно необработанную поверхность» [Васильев, 1983, с. 19–20], не говоря уже об индивидуальных особенностях писца [Tryjarski, 1997, p. 373].

надписях он означает также узкие аллофоны – например, в ауслауте (условно обозначаем эти случаи циркумфлексом). Характерно, что последние в иных позициях, судя по всему, не отражаются на письме. В тех же случаях, где подразумевается общетюркское соответствие /e/ ~ /i/ и обозначение через закрытый /e/, никакой знак не выписывается. В связи с этим интересно чередование /e/ ~ /i/ в дунайско-булгарских текстах [Pritsak, 1955, S. 72; Бешевлиев, 1992, с. 61, 250–251], а также явление отпадения начального *i*- [Бешевлиев, 1992, с. 63]. Нельзя также с уверенностью утверждать, существовал ли также здесь узкий неогубленный задний /п/ или нет [Pritsak, 1980, р. 89].

7 /ol, /ul, /öl, /ül (уә- ~ V-wә- ~ C-әw(-)?): огубленный гласный любого качества (ср.: [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 55–57 / с. 124–127]). При такой интерпретации допустимо предположение, что здесь отсутствовало графическое различие не только между гласными верхнего подъема и среднего подъема, но и между гласными заднего и переднего ряда. Это характерно для дунайско-булгарских надписей греческим письмом [Бешевлиев, 1992, с. 61]. Возможно также, что на месте долгих гласных здесь может быть полугласный /ɯ/, подразумевающий слоговое сочетание с невыписанным гласным. Не подобного ли типа знак встречен в грекографичных дунайско-булгарских надписях для обозначения слогов -ev и -ov(-) [Бешевлиев, 1992, с. 45, 137]?

8 /b/: здесь принимается значение знака, установленное Г.Б. Бабаяровым и А.В. Кубатиным [Бабаяр, Кубатин, 2016, S. 67 / с. 139–140].

9, 10, 11 /č/: сравнение первой формы с древнетюркским /ič/ ~ /či/ предпринято Г. Бабаяровым и А.В. Кубатиным [Бабаяр, Кубатин, 2016, S. 51 / с. 120–121]. В связи с отмеченной палатализацией *d- > č- (č-?) любопытно сопоставление с др.-тюрк. X /d²/ [Васильев, 1983, с. 107, табл. 8].

P /j/: шумный щелевой сонорный согласный [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 64 / с. 135–136], в том числе полугласный звук /j/ в составе восходящего дифтонга, соответствующего пратюркскому долгому гласному. О.А. Мудрак видит здесь узкий неогубленный гласный. Интересно мнение О. Прицака о фонемном значении орхоно-енисейского знака Г как слогового сочетания /jɨ/ [Pritsak, 1980, р. 88–89].

Ә */g/: значение предполагается по аналогии с памятниками древнетюркского рунического письма азиатского ареала [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 48–49 / с. 117–118]. Поскольку мы уже наблюдаем стяжение звонкого спиранта /g/ в соседстве с губным гласным, можно предположить, что этот знак обозначал слоговое сочетание /GI/ ~ /IG/, и даже /KI/ ~ /IK/. В отличие от следующего знака (см. ниже), он никогда не встречается в абсолютном начале слова.

Для чувашского языка отмечается в период после IX в. процесс нейтрализации противостояния по глухости и звонкости между /k/ и /g/ [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 703]. Судя по имеющимся данным, в нашем случае ожидаемый /g/ стягивался в сочетании с огубленным в абсолютном конце слова.

Қ */k/, /kʰ/ ~ /kʰ/?/: значение предполагается также по аналогии с древнетюркскими руническими памятниками Центральной Азии [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 46–48 / с. 115–117]. В этом плане следует отметить случаи близкого написания графем /g/ и /k/ в древнетюркских рунических памятниках азиатского ареала [Васильев, 1983, с. 52–53]. Также интересно указать на отсутствие графического различия между глухими и звонкими спирантами, что наблюдается также в тюркских арабографичных системах письменности, например – в караханидской традиции, а также между веллярным и палатальным рядом в волжско-булгарской эпиграфике, что более актуально – волжско-булгарский язык знал лишь глухие варианты [Erdal, 1993, S. 114–121].

᠖ /kʰ/ ~ /kʰ/: данное сопоставление основано исключительно на внешних аналогиях [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 60 / с. 111–112]. Возможно, использование данного знака служит косвенным свидетельством в пользу трактовки предыдущей графемы также как слогового знака, содержащего, однако, неогубленный гласный. Если мы исключаем графическое разделение знаков по рядности, то здесь следует предполагать /Kʷ/ ~ /Kʷ/.

Ү, ᠢ, Ү, ᠢ, ᠢ //: также без различия в рядности, ср. др.-тюрк. ᠢ /l¹/, Ү /l²/.

᠓ /m/: гипотетическое сопоставление. В этом плане заслуживает внимания предложенное М. Эрдалем толкование в качестве /m/ одного из знаков из надписи на серебряном сосуде с острова Муруйский: ᠓ [Kubarev, 2014, p. 61–62], хотя эта надпись пока не имеет надежного прочтения. Ср. также: ᠓, ᠓ [Васильев, 1983,

с. 124, 125, табл. 18, стк. 36, 41]. Возможно, здесь слоговый знак, косвенно предполагающий существование отдельной звуковой графемы [Тишин, Серегин, 2017, с. 187–188].

С /n¹/ (/ñ/?): знак находит формальное соответствие в памятниках древнетюркской рунической письменности азиатского ареала, хотя там его очертания имеют противоположное направление [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 65–66 / с. 137–138]. В восточноевропейских памятниках, как отметил О. А. Мудрак, этот знак часто употребляется в сочетании со знаком, для которого предполагается фонемное значение губного гласного /N^w/ ~ /^wN/. Заманчиво предположить здесь обозначение слогового знака /Un/ (> */ǎn/?).

З, З /n²/: ср. др.-тюрк. 𐰇, 𐰈, 𐰉, 𐰊, 𐰋, 𐰌 /n²/, согласно блестящей догадке Г. Б. Бабаярова и А. В. Кубатина [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 53–55 / с. 123–124].

Возможно, графическое различие данного и предыдущего знаков никак не связано с фонетическими явлениями и обусловлено иными причинами функционального характера. Но, например, предположить, что первый употреблялся с губными гласными, второй – с неогубленными, не позволяют случаи употребления второго в монетах типа В и на Седьярском сосуде (см. ниже). Недостаток материала пока ограничивает наши возможности.

Т, П /r¹/: зафиксирован как в велярном, так и палатальном ряду; значение подобрано гипотетически.

Ж, Ц /r²/: ср. др.-тюрк. 𐰍 /r¹/ [Васильев, 1983, с. 130, табл. 23], венг. 𐰎 /r/ [Németh, 1971, р. 38, fig. 1, р. 47, fig. X]. Зафиксирован в палатальном ряду, но, возможно, аллограф предыдущего знака.

Ш /s²/: ср. др.-тюрк. (енис.). 𐰏, 𐰐, 𐰑 /ša/ [Васильев, 1983, с. 134, табл. 25, стк. 23, 24, с. 136, табл. 26, стк. 22–24; Кызласов, 1994, с. 117, 119, табл. XXXII; Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 57–58 / с. 127–129] – как ближайшая формальная аналогия.

О /š/ (< /ž/): ср.: 𐰒 орх. /j¹/ [Васильев, 1983, с. 112, табл. 11] и интерпретацию подобного знака среди надьсентмиклошских как /š/ (фиксируется только в велярном ряду) [Németh, 1971, р. 49, 36] (см.: [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 65 / с. 137]); вероятно, универсальное обозначение аффрикаты?

У /š/: в свое время О. Прицак отметил: «древнетюркский знак š (графически 𐰓 ~ 𐰔) есть не что иное, как форма / (= /²/; графически 𐰕) с диакритическим штрихом (– или ˘).

Как хорошо известно, тюркскому \mathfrak{s} в чувашском, монгольских и тунгусских языках соответствует l . Исходя из графического развития $\mathfrak{Y} > \mathfrak{Y}^{\text{̣}}$ (\mathfrak{Y}), тюркский $\mathfrak{Y}^{\text{̣}} \mathfrak{s}$ должен восходить к $\mathfrak{Y} l$; аналогичный вывод был сделан на основе другого материала сторонниками алтайской языковой общности» [Pritsak, 1980, p. 85]⁷.

Несмотря на то, что мы имеем дело с иными формами графем, для которых логично было бы предположить обратный порядок трансформации, само это рассуждение заслуживает пристального внимания.

7 l^1 : исключительно предположительное сопоставление.

8 l^2 : знак, встречающийся редко в надписях (см.: [Кызласов, 2012, с. 239]); вероятно, связан с предыдущим знаком. Можно допустить графический вариант или, например, лигатуру. Ср. др.-тюрк. h l^2 . Употребление этого знака в предположительно читаемом слове *taGrām* делает также соблазнительным его сопоставление с зафиксированным у дунайских булгар так называемым знаком Тангра [Y] [Степанов, 1999; Рашев, 2008, с. 243].

Как видно, никаких аргументов в пользу обоснования предложенной интерпретации для большей части знаков у нас нет, все отождествления в высшей степени гипотетичны. Не представляется возможным адекватно объяснить вытекающий факт отсутствия различий между звуками велярного и палатального рядов, если только не рассматривать это как особенность системы письменности, но, по-видимому, не как особенность языка. Например, для чувашского нарушение общетюркского сингармонизма относится к периоду рубежа XIII–XIV вв. [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 695; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 51]. Невозможно с какой-либо уверенностью говорить и о форме письма – очень даже не исключено, что речь должна идти о слоговом письме, что соответственно требует некоторого корректирования в определении фонемных значений.

⁷ “... \mathfrak{s} sign (graphically $\mathfrak{Y} \sim \mathfrak{Y}^{\text{̣}}$) is nothing other than a from l ($= l^2$; graphically = \mathfrak{Y}) with a diacritical stroke (– or ̣).

As is well known, the Turkic \mathfrak{s} corresponds to the Chuvash, Mongol, and Tunguz l . Because of the graphic development $\mathfrak{Y} > \mathfrak{Y}^{\text{̣}}$ (\mathfrak{Y}), the Turkic $\mathfrak{Y}^{\text{̣}} \mathfrak{s}$ must have developed from $\mathfrak{Y} l$; the same conclusion is drawn on other grounds by partisans of Altaic linguistic unity”.

6

Кроме рассмотренных выше источников, сюда можно добавить надпись на Седьярском кувшине, сопоставимую с рассмотренными легендами монет и по составу знаков и по их расположению [Кызласов, 2012, с. 234–236; Кулешов, 2009(1), с. 107–108; Кулешов, 2009(2), с. 5–8]. Тем не менее эта находка датируется исследователями широким диапазоном – от VIII до XI вв. (см. [Кызласов, 1994, с. 265–267; Нуриева, 2014, с. 222]).

Транслитерация: ...ČGI: kn^2A : $GI n^2 Wn^2 A$: $klWn^2$:

Транскрипция (фонематическая): ...Č(ə)iG: $K(a)n^2a$: $(e)Gi(i)n^2ün^2e$:
 $K(e)lün^2$ (~ $K(e)l(ə)w(ə)n$):

Транскрипция (фонетическая): ...čəG: $kān-a$: $εGin-ün-ε$: $kelü-n$
(~ $kelāw-ān$):

Перевод: ‘... для кана, для его плеча (?) доход (дань?)’

Комментарий:

...čəG: вероятно, какой-то именной аффикс (см.: [Левитская, 1976, с. 139, 142–143, 164–165]).

$εGin-ün-ε$: чув. *ан нуçси* ‘плечо’, др.-тюрк. *ägin* id. [Егоров, 1964, с. 26; Севортян, 1974, с. 225–227; Федоров, 1996, т. 1, с. 42–43; Clauson, 1972, р. 109; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 239–240; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 41]; $+In$ – древний чувашский аффикс принадлежности 3 л. ед. ч. [Ашмарин, 1976, с. 55; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 710]; $+(n)A$ – показатель датива (для волжско-булгарских эпитафий и чувашского языка – датив-аккузатив) [Erdal, 1993, S. 94–95; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 707]. Ввиду этого можно предположить фонетическую эволюцию для показателя принадлежности для 3 л.: $-ə < -i < *-in < *-ün$, т.е. из исходного огубленного варианта, в связи с одним из вариантов соответствующего местоимения $*on < пратюрк. *ōn$ или $*ān$ [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 708].

$kelü-n$ (~ $kelāw-ān$): др.-тюрк. *käl-* ‘приходить’, чув. *кил-* ‘приходить’, ‘приезжать’, ‘прибывать’, *килү* ‘прихождение, приход; доход’ [Ашмарин, 1976, с. 63; Егоров, 1964, с. 112; Федоров, 1996, т. 1, с. 292–293; Clauson, 1972, р. 715; Левитская, 1976, с. 163], $+In$ – древний

показатель 3 л. ед. ч. в исходном (?) варианте +*Un*. Ср. у П. М. Мелиоранского *kälünčä* в трактовке ‘подарок за невесту’ [Мелиоранский, 2010, с. 133].

7

По этой же методике может быть предложено прочтение надписи на Билярском сосуде, несмотря на то что он относится к гораздо более позднему времени – XI–XII вв. [Кызласов, 1990, с. 54, рис. 16: 2, с. 56–57; Кызласов, 1994, с. 29, 274–275; Кызласов, 1998, с. 11–13, 18, рис. 3; Нуриева, 2014, с. 226–227].

Транслитерация: *Wlbs²n¹*:

Транскрипция (фонематическая): *ölb(ä)s²(ə)n¹* (~ *wəlb(ä)s²(ə)n¹?*)

Транскрипция (фонетическая): *öl-be-sän* (~ *uəl-be-sän*)

Перевод: ‘да не умрет [он]!’

Комментарий

öl- (*uəl-*?): ср. чув. *вил-* ‘умирать’, ‘дохнуть’, волж.-булг. *wel-* ‘sterben’ [Егоров, 1964, с. 53–54; Федоров, 1996, т. 1, с. 122; Erdal, 1993, S. 67].

-bä-: аффикс отрицания, фонетический вариант *-mA-*, в такой форме, однако, не характерный для чувашского языка. Предполагается кыпчакское влияние, если это вообще надпись, выполненная на языке болгарской группы. Учитывая такой временной промежуток, что отделяет эту надпись от описанных выше, это предположение допустимо. Сомнения подтверждает обозначение последнего звука /n/ знаком, отличным от того, который ожидался бы, исходя из прочтения легенды на *дирхаме* типа В (см. выше).

-sän¹: вариант аффикса повелительного наклонения 3 лица *-sUn*.

Как фонетические особенности (аффикс *-bä-*), так и различия в графическом составе при обозначении фонем (ср. выше аффикс *-sän²*), могут быть объяснены значительным хронологическим разрывом, в течение которого имели место различные языковые и социокультурные процессы. К тому же нахождение надписи на территории Волжской Булгарии еще не является аргументом в пользу того, чтобы считать автора носителем болгарского диалекта.

8

Предложенная выше интерпретация знаков, встречающихся на надписях, которые могут быть соотнесены с волжскими булгарами, и соответственно прочтение самих надписей отнюдь не предполагают автоматическую возможность прочтения ряда других руноподобных надписей с территории Восточной Европы. Идентификация была предложена для достаточно ограниченной группы знаков, которой не исчерпывается весь графический фонд. Вместе с тем, как уже отмечалось выше, нет никакой уверенности в том, что знаки, относящиеся к надписям различных территориальных групп, даже сопоставимые по внешним очертаниям, должны интерпретироваться одинаково. Даже если было бы иначе, и речь шла о единой фонетико-графической системе, трудно было бы объяснить наличие значительного числа иных знаков (например, в пространной маячной надписи с индексом М 10), оригинальность начертаний которых с трудом позволяет рассматривать их как аллографы каких-то знаков, известных в более простых формах.

В качестве примера может быть реализована заманчивая попытка прочтения надписи на фляге из Новочеркасского музея, являющейся случайной находкой (при строительстве в 1896 г. железной дороги Сальск – Царицын) и потому не имеющей конкретной привязки к археологическому объекту [Кызласов, 1994, с. 248].

Транслитерация: *šlr²śW. bWlr²śW. kj²lt¹A:*

Транскрипция (фонематическая): *š(i)l(ə)r ś(ə)W. bWl(ə)r ś(ə)W. K(i)j²lt¹e*

Транскрипция (фонетическая): *šil-ər śâw. bol-âr śâw. kâjl-te*

Перевод: 'Наполняется вода, имеется вода в доме (или в семье) / для дома (или для семьи)!'

Комментарий

šilər: ср. чув. *шыҫ-* 'пухнуть, опухнуть, нарывать', перен. 'разжиреть', др.-тюрк. *šĩš-* 'пухнуть, опухать, вздуться', но ср., по Г. Й. Рамстедту, < пратюрк. **šil*'- 'answellen', ср. монг. *selkü-* 'to swell up'; ср. также, согласно М. Рясянену, письм.-монг. *sil* 'стекло, стеклянная посуда' [Doerfer, 1967, S. 328; Федотов, 1996, т. 2, с. 467] (см. также: [Егоров, 1964, с. 341; Древнетюркский словарь,

1969, с. 524; *Clauson*, 1972, p. 857, 868; *Doerfer*, 1967, S. 328–330]. Л. С. Левитская отмечает, что «в чувашском языке / выступает на месте *š* в словах без долгого гласного... И наоборот, слова с первичным долгим имеют *ś < š*» [Левитская, 2014, с. 144]. Этимология в целом дискуссионна [Левитская, 1976, с. 144, 211; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 31; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 193; *Starostin, Dybo, Mudrak*, 2003, pt. I, p. 429]. Вероятно, следует подыскать более удачный вариант. Ср., например, чув. *шӑл-* ‘места, подметать’; ‘вытирать, стереть, обтирать, утираться’; ‘замазывать’; ‘заметать (о снеге)’; ‘гладить (напр., по головке)’; ‘приглаживать’ и др.; общетюрк. **sīl-* (**sīl-?*) / **sil-* ‘тереть, стирать, вытирать, чистить’ [Егоров, 1964, с. 333; Федотов, 1996, т. 2, с. 440–441; Этимологический словарь..., 2003, с. 258–259, 398, 399].

В данном случае наличествует показатель *-Ur* (~ *-Ar*) – аффикс причастия аориста [Левитская, 1976, с. 64, 65; *Erdal*, 1993, S. 70, 90] (см. также: [Róna-Tas, 1985, 243–244. о.]). На прорисовке, сделанной И. Л. Кызласовым (опубликовано под индексом Д 7), форма этого знака идентична тому, что выше мы условно определили как */r²/*. Вместе с тем А. М. Щербак дает более точную прорисовку и отмечает более сложную форму этого знака , читая его как */j²/* [Щербак, 1954, с. 274, 278; Щербак, 1959, с. 386] (см. также: [Németh, 1971, p. 44, fig. V]), Э. Трыярский считает его возможной лигатурой, находя соответствия в руноподобных надписях Хумаринского городища и знаках из Крушево (Македония) [Tryjarski, 1999, p. 266].

šāw (*šiw?*): чув. *шыв* / *шывӑ* / *шӑв* / *шув* / *шӗв* ‘вода, река’, кубан.-булг. **šiw* ‘water’, волж.-булг. *šiv* id., < пратюрк. **siv* id., ср. др-тюрк. *šuv* id., с выписанным палатализованным инициальным (надпись Тоньюкука, стела из Могойн Шинэ Усу) [Егоров, 1964, с. 340; Róna-Tas, 1976, p. 166–167, 184; Федотов, 1996, т. 2, с. 465–466; *Erdal*, 1991(2), vol. I, p. 177; *Erdal*, 1993, S. 128–129; *Erdal*, 2007, p. 91–92; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 87; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 57, 193, 222, 386; Этимологический словарь..., 2003, с. 348–349; *Дыбо*, 2007, с. 61; Левитская, 2014, с. 74, 134].

kājl-te (*kijl-te?*): ср. чув. *kil* ‘жилище (дом), двор, подворье’ [Czeglédy, 1953, 175–178. о.; Егоров, 1964, с. 112; Федотов, 1996,

т. 1, с. 291–292; *Starostin, Dybo, Mudrak, 2003*, pt. I, p. 571; *Левитская, 2014*, с. 101], хотя эти сопоставления имеют определенные сложности (см.: [*Németh, 1991*, 170. о.; *Golden, 1980*, p. 241–242; *Golden, 2005*, p. 209; *Erdal, 2007*, p. 85–86]); согласно О. А. Мудраку, др.-чув. (до IX в. н.э.) **küj*(ü) > ран. ср.-чув. (IX–XIII вв.) **küj*(ü) ‘дом’, при фактическом неразличении в нисходящих дифтонгах с *-j*- узких огубленных и неогубленных гласных, предполагая последующее развитие ран. ср.-чув. **-üj*- > позд. ср.-чув. (с XIII в.) /перед согласным/ **-üj*- > **-iü*- > н.-чув. (с XIV–XV вв.) **-ji*- > **-i*- [*Сравнительно-историческая грамматика..., 2002*, с. 683, 685, 687].

В этом случае также следует отметить соотнесение знака Υ с P «рунических дирхамов», предполагая, что речь идет об аллографах. Это также может служить косвенным свидетельством в пользу существования дифтонгов в некоторых болгарских диалектах уже в довольно ранний исторический период. Вероятно также, что здесь графическое обозначение узкого неогубленного гласного может иметь функциональное значение, чтобы четче обозначить производящую основу. Ср. также идентификацию типологически близкого знака на баклажках из Новочеркасского музея и маяцких надписей Υ как узкого неогубленного гласного при интерпретации F как /k/, а F как /b/ [*Щербак, 1954*, с. 273, 274–275, 276, 277–278], в последнем случае, как и у Д. Немета для надьсентмиклошских надписей [*Németh, 1932*, 21, 22. о.; *Németh, 1971*, p. 35], а затем у А. Рона-Таш для Сарвашской надписи [*Róna-Tas, 1985*, 241. о., X. Tábla, 242. о., XI. Tábla, 244. о., XII. Tábla].

Слово снабжено показателем местного падежа *+dA*, который, вероятно, по аналогии с енисейскими памятниками может иметь функции обозначения аблятива [*Кормушин, 2008*, с. 189, 190]. Местный падеж, представленный здесь в оглушенной форме *+tA*, может иметь значение локативного определения или обстоятельства места действия [*Кормушин, 2008*, с. 188–191]. В этом случае знак Π представляется как один из аллографов знака, обозначающего фонему /t/ (см. выше).

Заманчиво сопоставление с чув. *килĕ* / *кил* ‘ступа’, *кăли* ‘пест ступки’, як. *кэли* ‘ступа’, венг. *kölyű* (1443: *kelev*; 1488: *killev*; *külű*; *külyű*) < др.-чув. **keläy*, **kiläy*, и др.; < **келиг* < **кегилиг* < **кег-* *‘толочь’ [*Егоров, 1964*, с. 112; *Ligeti, 1986*, 291. о.; *Федоров, 1996*, т. 1, с. 293; *Этимологический словарь..., 1997*, с. 33–34; *Левитская,*

2014, с. 103]. Если какие-то фонетические изменения можно попытаться с известной долей вероятности объяснить (если читать, например, также **kejl-te*), то трудно соотнести основное семантическое орудийное значение с предметом нанесения – флягой.

* * *

Автор данной работы не стремился к разработке новой методики прочтения руноподобных надписей с территории Восточной Европы, в первую очередь, желая продемонстрировать возможность поиска ключа для истолкования встречающихся в них знаков именно на тюркской основе. Вместе с тем, хотелось бы вновь обратить внимание и на все сложности, которые влекут за собой подобные попытки. Кроме того, что сама интерпретация знаков имеет гипотетический характер, предполагаемые лексемы и, в частности, фонетический облик морфем, получающихся в результате этой интерпретации, в ряде случаев требуют специального лингвистического обоснования. Это, в свою очередь, представляется затруднительным ввиду отсутствия достаточных данных о языках болгарской группы в соответствующий исторический период, почему приходится опираться лишь на общетюркские соответствия и реконструкции, сделанные на основе привлечения чувашского материала. При этом мы не можем быть уверены даже в правильности этих реконструкций.

О. А. Мудрак, игнорируя контекст обнаружения надписей и, таким образом, заочно исключая контекст их бытования в той культурной среде, в которой они были созданы, опирается именно на «данные исторической фонетики». Учитывая, что «данные исторической фонетики» – это всегда плод реконструкции отдельного исследователя или группы исследователей, неизбежное столкновение со случаями, несоответствующими этим построениям, вынуждает прибегать к их объяснению через гипотезы о явлениях и процессах, допустимых с точки зрения сложившейся в голове исследователя схемы, вроде спорадических случаев или проявления диалектных особенностей, либо предполагать влияние иной языковой среды и т.д. Такого рода допущения всегда требуют оговорки – «возможно», «вероятно», – потому что в этих случаях мы ничего не знаем об этих предполагаемых диалектах, как не имеем достоверных данных об особенностях языковых сообществ, гипотетически

взаимодействовавших в рассматриваемом историческом пространстве.

В связи со всем выше изложенным представляется уместным привести пространное высказывание М. Эрдаля, рассуждавшего о методических проблемах определения языковой принадлежности хазар: «Не слишком вероятно, что на данном этапе появятся новые источники на арабском, греческом, сирийском, персидском, иврите или кавказском языках, упоминающие неизвестные элементы хазарского языка. Кажется, что сейчас значительный прогресс может быть достигнут только в том случае, если удастся обнаружить какую-либо длинную двуязычную надпись на хазарском языке или, возможно, новую хазарскую надпись, в которой будет достаточно восточно-тюркских рунических знаков, чтобы она была понимаемой. Некоторое множество известных надписей представляют собой строчки непонятных на сегодняшний день знаков, относительно которых мы даже не знаем, составляют ли они сингармонические сочетания (как многие восточно-тюркские руноподобные шрифты); ни одна из попыток их дешифровки не кажется безупречной» [Erdal, 2007, p. 76]⁸.

Абстрагируясь от проблемы хазарского языка и вопросов идентификации памятников, хотелось бы лишь отметить, что это высказывание, в сущности, можно перенести на все памятники руноподобной письменности восточноевропейского ареала. Мы должны либо надеяться на обнаружение какой-нибудь билингвы, либо ждать, что на долю кого-то из исследователей выпадет великая удача, и его кропотливые изыскания заслуженно увенчаются возможностью предложить хотя бы для какой-то группы памятников интерпретацию знаков и на ее основе – варианты прочтения ряда надписей. Хорошо бы при этом, чтобы они не наткнулись на сложности лингвистического и экстралингвистического характера или,

⁸ "It should not be too likely that new Arabic, Greek, Syriac, Persian, Hebrew or Caucasian sources mentioning unknown Khazar language elements turn up at this stage. It now seems that significant progress can be achieved only if some lengthy bilingual inscription in the Khazar language can be discovered, or perhaps a new Khazar inscription which has enough Eastern Turkic runiform characters to be intelligible. The dozens of known inscriptions are strings of at present unintelligible signs, concerning which we do not even know whether they fall into synharmonic sets (as most of the Eastern Turkic runiform script does); none of the attempts at deciphering them seem compelling".

по крайней мере, сложности эти не были бы настолько серьезны, чтобы рассматривать попытки преодолеть их как натяжки и допущения.

Литература

- Аксёнов В. С. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 12. Киев–Харьков, 2014.
- Аманжолов А. С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников // Аманжолов А. С. Опыт изучения тюркских языков. Астана, 2012.
- Ашмарин Н. И. Заметки по грамматике чувашского языка // Чувашский язык. Чебоксары, 1976
- Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахёсен кёнеки / Словарь чувашского языка. Т. 1–2. А. Чебоксары, 1994.
- Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахёсен кёнеки / Словарь чувашского языка. Вып. XII. 3. Чебоксары, 1937.
- Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахёсен кёнеки / Словарь чувашского языка. Вып. XVII. X–Ш и послесловие Н. А. Резюкова. Чебоксары, 1959.
- Бабаяр Г., Кубатин А. Монеты Северного Кавказа с древнетюркскими надписями. Астана, 2016.
- Баяр Д., Мөнхтула Р., Хүрэлсүх С. Олон нуурын хөндийн дурсгал // Шинжлэх ухааны академийн мэдээ. 2008. № 2.
- Бешевлиев В. Първобългарски надписи. Второ преработено и допълнено издание. София, 1992.
- Быков А. А. Из истории денежного обращения в Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А. Е. Тверитиновой. Т. III. М., 1974.
- Валиева М. Р. Пратюркская инициальная фонема [й] и ее булгарские рефлексy в говорах башкирского языка // Вестник Башкирского государственного университета. 2015. Т. 20. № 2.
- Валиева М. Р. Проблема булгарского влияния на развитие башкирского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Уфа, 2016.
- Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М., 1983.
- Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. Изд. 2-е испр. и доп. М., 1986.
- Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л., 1969.
- Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007.
- Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

- Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Кокорина Н. А.* Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань, 1989.
- Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
- Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М., 2008.
- Кулешов Вяч. С.* «Рунический дирхам» из Козьянковского клада // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. 5 / Уклад. М. А. Плавинский, В. М. Сидарович. Минск, 2009(1).
- Кулешов Вяч. С.* «Рунический дирхам»: новый источник для истории хазарской геральдики? (Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина». Май, 2009). СПб., 2009(2).
- Кулешов Вяч. С., Еремеев И. И.* Глазуновский клад куфических монет IX в. // Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015.
- Кызласов И. Л.* Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями (К вопросу о денежном обращении в древнехакасском государстве) // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XIV / [Отв. ред. Д. Б. Шелов]. М., 1983.
- Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии (опыт палеографического анализа). М., 1990.
- Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Кызласов И. Л.* Руническая эпиграфика древних болгар // Татарская археология. 2000. № 1–2(6–7).
- Кызласов И. Л.* Серебряные монеты с легендами кубанского рунического письма // Проблемы археологии Кавказа. Вып. 1. М., 2012.
- Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
- Левитская Л. С.* Историческая фонетика чувашского языка / Науч. ред. и авт. предисл. и примеч. П. Я. Яковлев. Чебоксары, 2014.
- Лурье П. Б.* Счастливый правитель, царь Пенджикента Чегин Чур Билгä // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Мат-лы междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого, Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г. СПб., 2005.
- Мелиоранский П. М.* Два серебрянных сосуда с енисейскими надписями // Российская тюркология. 2010. № 1.
- Мудрак О. А.* Чтения «хазарских дирхемов», написанные восточноевропейской руникой // Восточная Европа в древности и средневековье. Пись-

- менность как государственный элемент инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 20–22 апреля 2016 г.: Материалы конференции. М., 2016.
- Нуриева Ф. Ш.* Поволжские рунические памятники: варианты прочтения // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Сер.: «Филология. Социальные коммуникации». 2014. Т. 27(66). № 3.
- Осава Т., Сүзүки К., Лхүндэв Г.* Заамарын шороон довоос олдсон мөнгөн сав дээрх руни бичээс // Археологийн судлал. Т. XXX. Fasc. 8. 2011.
- Рашев Р.* Българската езическа култура VII–IX век. София, 2008.
- Руденко К. А.* Элита Волжской Булгарии (X – начало XIII в.): между Востоком и Западом (постановка проблемы) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: колл. монография / Отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул, 2015.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д». М., 1980.
- Севортян Э. В., Левитская Л. С.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М., 1989.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1984.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. Э. Р. Тенишев [и др.]. М., 1988.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 2001.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э. Р. Тенишев [и др.]. М., 2002.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М., 2006.
- Степанов Цв.* «Ипсилон с двумя пиками» (|Y|) и его значения (к символике в раннесредневековой Болгарии) // Bulgarian Historical Review. 1999. № 3–4.
- Тишин В. В., Серегин Н. Н.* К вопросу о методике прочтения редких знаков некоторых рунических надписей Центральной Азии (по материалам комплекса Бийрэг в Монгольском Алтае) // Вестник СПбГУ. Сер.: Востоковедение и африканистика. Т. 9. Вып. 2. 2017.
- Тишин В. В., Флёров В. С.* Псевдовизантийская надпись «ΥΣ» из Маяцкой крепости, Хазарский каганат // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как государственный элемент инфраструкту-

- ры. XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 20–22 апреля 2016 г.: Материалы конференции. М., 2016.
- Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Т. I. А–Р. Т. II. С–Я. Чебоксары, 1996.
- Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987.
- Хисамова Ф. М. История щелевых согласных ч (ç) и ж (ǰ) в татарском языке // *Turkoloji Üzerine Arastirmalar*. Sayı 1. 2012.
- Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // *Советская археология*. Вып. XIX. М., 1954.
- Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи (К вопросу. о языке и письменности печенегов) // *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* / Отв. ред. М. И. Артамонов. Т. II. М.–Л., 1959.
- Щербак А. М. Очерки по сравнительной фонетике тюркских языков. Л., 1970.
- Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~«Г») и «Қ» (~«Ѓ» ~«К»). Вып. 1 / Отв. ред. Г. Ф. Благова. М., 1997.
- Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Л», «М», «Н», «П», «С» / Отв. ред. А. В. Дыбо. М., 2003.
- Alyılmaz C. Karı Çor Tigin Yazıtı // *TEKE: Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*. Sayı 2/2. 2013.
- Aydın E., Ariz E. Xi'an Yazıtı Üzerinde Yeni Okuma ve Anlamlandırmalar // *Bilig. Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi*. Sayı 71. 2014.
- Babayar G. Köktürk Kağanlığı Sikkeleri Kataloğu / *The Catalogue of the Coins of Turkic Qaghanate*. Ankara, 2007.
- Blažek V. Numerals: comparative-etymological analyses of numeral systems and their implications: (Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European languages). Brno, 1999.
- Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, 1972.
- Czeglédy K. A kazár kil ~ kel eredete // *Magyar Nyelv*. LXXXVIII. évf. 1953.
- Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1967.
- Erdal M. The Turkic Nagy-Szent-Miklós Inscription in Greek Letters // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. XLII. Fasc. 2–3. 1988.
- Erdal M. Ein unbemerkter chasarischer Eigenname // *Türk Dilleri Araştırmaları*. [Cilt 1]. 1991(1).

- Erdal M.* Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Vol. I–II. Wiesbaden, 1991(2).
- Erdal M.* Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften. Wiesbaden, 1993.
- Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston, 2004.
- Erdal M.* The Khazar Language // The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute / Ed. by P. B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden; Boston, 2007.
- Ermers R.* Arabic Grammars of Turkic: the Arabic Linguistic Model Applied to Foreign Languages & Translation of 'Abū Ḥayyān al-'Andalusī's Kitāb al-'Idrāk li-lisān al-'Atrāk. Leiden; Boston, 1999.
- Golden P. B.* Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest, 1980.
- Golden P. B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992.
- Golden P. B.* Khazarica: on some Khazar terms // Turkic Languages. Vol. 9. № 2. 2005.
- Korkmaz Z.* Eski Anadolu Türkçesindeki *-van/-ven, -vuz/-vüz* Kişi ve Bildirme Eklerinin Anadolu Ağızlarındaki Kalıntıları // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten 1964. Ankara, 1965.
- Kovalev R. K.* What Does Historical Numismatics Suggest About the Monetary History of Khazaria in the Ninth Century? – Question Revisited // Archivum Eurasiae Medii Aevi. T. 13. 2004.
- Kovalev R. K.* Creating 'Khazar Identity' Through Coins – The 'Special Issue' Dirhams of 837/38 // East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages / Ed. by Florin Curta. Ann Arbor, 2005.
- Kovalev R. K.* What Do 'Official' Volga Bulğār Coins Suggest about them? Political History of the Middle Volga Region during the Second Half of the 10th Century? // Central Eurasia in the Middle Ages: Studies in Honor of Peter B. Golden / Ed. by O. Karatay and I. Zimonyi. Wiesbaden, 2016.
- Kristó Gy.* Keán, Szent István király ellenfele // Acta Historica. T. XCVIII. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. 1993.
- Kubarev G. V.* A Runic Inscription on a Silver Vessel from the Bratsk Reservoir // Interpreting Runic sources and the Altay corpus / Ed. by I. Nevskaya, M. Erdal. Berlin, 2014.
- Ligeti L.* A Magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest, 1986.
- Lin Ying.* Western Turks and Byzantine gold coins found in China // Transoxiana. 2003. № 6 // http://www.transoxiana.org/0106/lin-ying_turks_solidus.htm
- Lin Ying.* Sogdians and the Imitations of Byzantine Gold Coins Unearthed from the Heartland of China // Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris Il'ič

- Maršak on the Occasion of his 70th Birthday / Ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. Venezia, 2006.
- [Lowick N. M.] Early 'Abbāsīd Coinage: A Type Corpus, 132–218 H / AD 750–833: a Posthumous Work by Nicolas Lowick / Ed. by E. Savage. London, 1999.
- Lurje P. B. Personal Names in Sogdian Texts in Iranische Onomastik / Iranisches Personennamenbuch. Bd. II.: Mitteliranische Personennamen. Fasz. 8. Wien, 2010.
- Menges K. H. Altaic Elements in the Proto-Bulgarian Inscriptions // Byzantion. T. XXI. 1951.
- Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. 3. unveränderte Auflage. Bd. II. Sprachreste der Turkvolker in den Byzantinischen Quellen. Leiden, 1983
- Németh Gy. A nagyszentmiklósi kincs feliratai // A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai. 30. sz. 1932.
- Németh Gy. The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts of Eastern Europe // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXI. Fasc. 1–2. 1971.
- Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása / Közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest, 1991.
- Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.
- Pritsak O. Turkology and the Comparative Study of Altaic Languages. The System of the Old Turkic Runic Script // Journal of Turkish Studies. Vol. 4. 1980.
- Róna-Tas A. A Volga Bulgarian Inscription from 1307 // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXX. Fasc. 2. 1976.
- Róna-Tas A. A szarvasi tütartó felirata // Nyelvtudományi közlemények. 87. köt. 1. sz. 1985.
- Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. Szeged, 1997.
- Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki, 2006.
- Rybatzki V., Wu Kuosheng. An Old Turkic Epitaph in Runic Script from Xi'an (China). The Epitaph of Qarī çor tegin // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 164. H. 1. 2014.
- Sándor K. A székely rovásírás átvételének lehetséges útjai // Rovásírás a Kárpát-medencében / Szerk. K. Sándor. Szeged, 1992
- Sándor K. A székely írás eredetéről dióhéjban // Magyar Tudomány. 175. évf. 5. szám. 2014.
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Pt. I. A–K. Leiden–Boston, 2003(1).
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Pt. II. L–Z. Leiden–Boston, 2003(2).

- Stepanov Ts.* The Bulgar title ΚΑΝΑΣΥΒΙΓΙ: Reconstructing the Notions of Divine Kingship in Bulgaria, AD 822–836 // *Early Medieval Europe*. Vol. 10. No. 1. 2001.
- Şirin User H.* Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya, 2009.
- Şirin User H.* *Byzantinoturcica*'da Kayıtlı İslam Öncesi Türkçe Unvanlar Hakkında // XV. Türk Tarih Kongresi: 11–15 Eylül 2006, Ankara: Kongreye Sunulan Bildiriler / Ed. Y. Halaçoğlu. 3. Cilt. Selçuklu Devleti ve Beylikler Dönemi Tarihi. Ankara, 2010.
- Tekin T.* Tuna Bulgarları ve Dilleri. Ankara, 1987.
- Tryjarski E.* The Unity or Multiplicity of Runic Scripts: An Account of the Attempt to Isolate a South Yenisei Alphabet // *Studia Uralo-Altica*. Vol. 39. 1997.
- Tryjarski E.* Some Novelties of the Runica Bulgarica // *Studia Orientalia*. Vol. 87. 1999.
- Yavuzarslan P.* Türk Dilinin Tarihi Söz Varlığından Örnekler II. (*eyermek* < *éđer-mek*) // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Türkoloji Dergisi. Cilt 17. Sayı 1. 2010.
- Zeki Validi Togan A.* Ibn Faḡlān's Reisebericht. Leipzig, 1939.

В. В. Тишин

**К методике прочтения памятников
рунической письменности восточноевропейского ареала**

(на примере легенд серебряных дирхамов
с руноподобными знаками)

Резюме

Статья посвящена критике попытки прочтения проф. О. А. Мудраком памятников восточноевропейской руноподобной письменности. Автор сконцентрировал свое внимание на экстралингвистической стороне контаргументации предлагаемого О. А. Мудраком метода, а также на примере серебряных дирхамов с руноподобными знаками и еще нескольких надписей он попытался показать возможность прочтения текстов, которые могут быть объединены в определенные группы на основе материалов тюркских языков болгарской группы.

Ключевые слова: памятники древнетюркской рунической письменности, восточноевропейская руническая письменность, монетные легенды, болгары, хазары, чувашский язык.

V. V. Tishin

**On the Methodical Ways of the Reading
of Runiform Writing Monuments of Eastern Europe Area**

(Based on the Monetary Legends of Silver *Dirhams*
in Runiform Signs)

Summary

The article is dedicated to the critical approach on attempts of Prof. O. A. Mudrak to read the monuments of Eastern European runiform writing. The author has concentrated his attention on the extra-linguistic side of the counterargument on Prof. O. A. Mudrak method, and, based on the material of silver dirhams with runiform signs and several inscriptions, he also tried to show the possibility of reading the texts – that could be arranged on the certain groups – using the data of the Turkic languages of the Bulgar (= Oghur, Chuvash) group.

Keywords: old Turkic runic writing monuments, Eastern European runiform writing, coin legends, Bulgars, Khazars, Chuvash language.